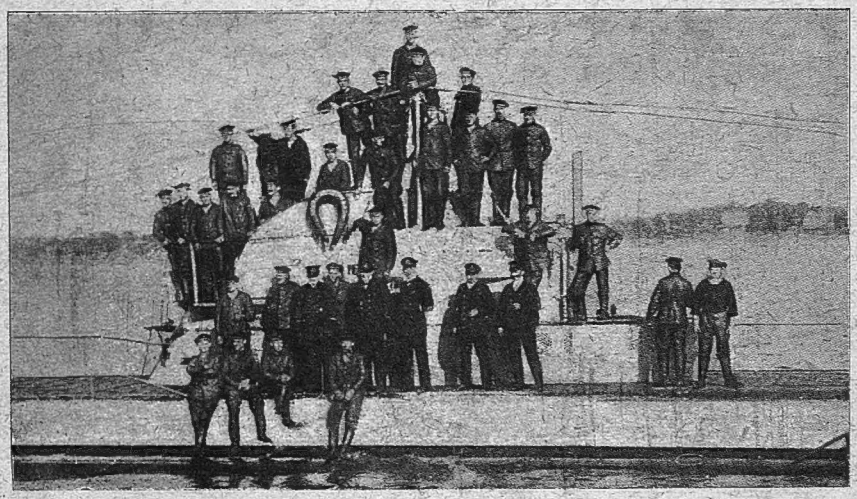
5
166.

5/166
5/166

НѢМЕЦКІЯ ПОДВОДНЫЯ ЛОДКИ

ВЪ СѢВЕРНОМЪ ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ.



ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

66

***

НѢМЕЦКІЯ ПОДВОДНЫЯ ЛОДКИ

ВЪ

СѢВЕРНОМЪ ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ.

Переводъ съ нѣмецкаго старшаго лейтенанта М. К.

Подъ редакціей лейтенанта Подерни.

Съ многочисленными иллюстраціями изъ жизни русскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ лодокъ.

Петроградъ.
Типографія Морского Министерства въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1917.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1299841

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ редакціи

Глава I. Отплытіе 1
Глава II. Лѣсъ для Англіи 7
Глава III. Преслѣдуемые 15
Глава IV. Штормъ и льды 23
Глава V. Каперство. 27
Глава VI. Встрѣча 33
Глава VII. Александровскъ 39
Глава VIII. Богатая добыча 45
Глава IX. „Быстрица“ 54
Глава X. Нападеніе. 64
Глава XI. Мастерской ударъ. 71
Глава XII. Русскіе пути подвоза. 77

Объяснительный словарь встрѣчающихся въ книгѣ морскихъ названій и выраженій. 83

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Дѣлу подводнаго плаванія суждено было въ эту войну сыграть весьма видную роль, выдвинувъ значеніе подводныхъ лодокъ впередъ, на почетное мѣсто, на одну линію съ боевыми единицами надводнаго флота, и поставивъ на очередь вопросъ о новомъ подраздѣленіи флота—на надводный и на подводный, или—иначе говоря—на поверхностный и погружающійся.

Эта война доказала, что подводныя лодки не являются только второстепеннымъ добавленіемъ къ надводному флоту, какъ принято было думать раньше, но могутъ оперировать совершенно самостоятельно, однимъ только своимъ присутствіемъ оказывая значительное вліяніе на ходъ операцій непріятельскаго надводнаго флота.

На нашихъ глазахъ англійскія и нѣмецкія лодки совершили большіе океанскіе переходы—изъ Сѣвернаго моря въ Дарданеллы, англійскія—прошли сквозь Зундъ и нѣмецкія минныя заграждения въ Балтійское море, нѣмецкія лодки совершили переходы въ Америку и обратно, а русская подводная лодка «Св. Георгій»—сдѣлала самостоятельный переходъ изъ Италіи въ Архангельскъ, совершивъ около 5000 миль при условіяхъ осеннихъ свѣжихъ погодъ, пройдя черезъ минныя заграждения и черезъ позиціи нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ. Совершенно неожиданно — «хрупкія» подводныя лодки оказались способными выдерживать океанскую волну.

Въ связи съ возрастаніемъ значенія подводныхъ лодокъ, въ широкихъ слояхъ нашего общества сталъ замѣтно повышаться интересъ къ этой новой области военной техники.

Вотъ почему мы задались цѣлью собрать и издать для широкой публики весь тотъ литературный и популярно-техническій матеріалъ о подводномъ плаваніи, который появился въ настоящее время—за эту войну—на книжномъ рынкѣ, особенно—за границей, въ Англіи и Германіи.

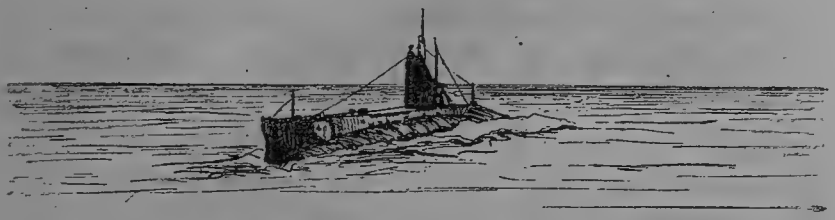
Предлагая читателю переводъ книги «Нѣмецкія подводныя лодки въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ», дающій яркое представленіе объ условіяхъ жизни на подводныхъ лодкахъ во время большихъ океанскихъ переходовъ, редакція, по мотивамъ изложеннымъ ниже, считаетъ своимъ долгомъ обратить благосклонное вниманіе читателя на то, что условія жизни на всѣхъ лодкахъ, внѣ зависимости отъ ихъ національности, конечно, между собою совершенно одинаковы, а примѣровъ «безграничнаго мужества, энергіи и предпріимчивости»,—проявляемыхъ, по словамъ автора, личнымъ составомъ нѣмецкихъ лодокъ,—и среди русскихъ и англійскихъ подводниковъ было достаточно.

Дѣло въ томъ, что авторъ предлагаемой книги, какъ и слѣдовало ожидать, не преминулъ воспользоваться случаемъ нанести въ своей книгѣ цѣлый рядъ «тонкихъ», чисто нѣмецкихъ, уколовъ Англіи и Россіи, подчеркивая особую лойальность командировъ нѣмецкихъ лодокъ по отношенію къ нейтральнымъ судамъ и особую, «заботливость» проявляемую по отношенію къ экипажу потопленныхъ ими параходовъ, чѣмъ и придалъ своей книгѣ нѣкоторую, на нашъ взглядъ, совершенно въ данномъ случаѣ неумѣстную тенденціозность. Тенденціозность эта выражается иногда просто на просто въ грубомъ высмѣиваніи своего врага и въ восхваленіи своихъ подвиговъ...

Но, если отбросить эту тенденціозность, то для морского офицера—и въ частности для подводника—за книгой останется несомнѣнный интересъ, какъ съ точки зрѣнія спеціальной, технической, такъ и съ точки зрѣнія морской, такъ какъ описаніе похода составлено въ достаточной степени жизненно и правдоподобно и потому—даетъ нѣкоторое представленіе о мореходности нѣмецкихъ лодокъ, объ особенностяхъ ихъ конструкціи, объ организаціи службы въ нѣмецкомъ подводномъ флотѣ, а также—и о переживаніяхъ личнаго состава лодокъ во время большихъ океанскихъ переходовъ;

для широкой же публики—за книгой остаются всѣ преимущества увлекательно написаннаго разсказа о приключеніяхъ на морѣ, на подводной лодкѣ, въ неизвѣстной и потому—«чудесной» обстановкѣ подводнаго плаванія.

Плаваніе нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ.



Глава I.

Отплытіе.

— Итакъ—сказалъ командующій,—на васъ возлагается трудное, но чрезвычайно важное порученіе, удачное выполненіе котораго можетъ дать особенно благопріятные результаты. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время, для подвоза аммуниціи, военнаго снаряженія и жизненныхъ припасовъ, Россія вынуждена пользоваться Сѣвернымъ путемъ, вокругъ Нордкапа; ваша предстоящая задача и будетъ заключаться именно въ томъ, чтобы всячески затруднить этотъ подвозъ, а если возможно—даже и совсѣмъ его прекратить. Этимъ самымъ, вы нанесете тяжелый ударъ не только Россіи, но также и Англіи, такъ какъ перевозка лѣса изъ Архангельска въ Англію будетъ сильно затруднена.

Предпріятіе это требуетъ отъ васъ и отъ вашей команды большого самопожертвованія. Вамъ будетъ несравненно труднѣе, чѣмъ кому-бы то нибыло изъ насъ, такъ какъ, находясь на громадномъ разстояніи отъ родины, вы будете совершенно лишены какихъ-бы то ни было опорныхъ пунктовъ и вамъ придется переносить крайне неблагопріятные условія погоды; жестокіе штормa, туманы, холода, даже льды — не будутъ щадить васъ.

Но флотъ нашъ не признаетъ слова «невозможно», и вы имѣете полное право гордиться возложеннымъ на васъ столь необычайнымъ порученіемъ.

Командующій сидитъ съ командирами 14-ой эскадры подводныхъ лодокъ въ каютъ компаніи своего корабля, въ Вильгельмсгафенѣ. Столъ покрытъ картами и лоціями; глаза сидящихъ вокругъ стола сверкаютъ холодной рѣшимостью, а лица ихъ носятъ какой-то общій для всѣхъ отпечатокъ,—слѣдствіе совмѣстной тяжелой подводной службы, не знающей ни минуты покоя, требующей полной и непрестанной напряженности. Во время рѣчи начальника никто изъ нихъ ни однимъ жестомъ не выдалъ охватившаго всѣхъ чувства гордости и радости.

— Въ теченіе ближайшихъ дней окончите вооруженіе вашихъ кораблей. На основаніи опыта, которымъ вы такъ богато запаслись прошлой зимою, вы сами рѣшите, что нужно вамъ для предстоящаго крейсерства; вы можете смѣло разсчитывать, что всѣ ваши пожеланія будутъ немедленно исполнены. А теперь, господа,—мы не будемъ больше терять времени!..

Крѣпкое рукопожатіе, короткій поклонъ—и всѣ разошлись.

Бортъ-о-бортъ, идеально выравнявшись, стоятъ лодки 14-ой эскадры въ гавани. Среди команды замѣтно сильное волненіе; свободные стоятъ на палубѣ и ждутъ своихъ командировъ, которые часа два тому-назадъ были внезапно вызваны къ командующему. Въ воздухѣ чувствуется какая-то новость, но что это могло быть на этотъ разъ—никто не зналъ. Одни предполагали одно, другіе—другое. Можетъ быть снова въ походъ противъ Англіи, можетъ быть—въ Среди-

земное море, а можетъ быть и прямо въ Америку! Но чѣмъ труднѣе задача,—тѣмъ больше радости!..

Нѣмецкая подводная лодка.

Командиры возвратились, и тотчасъ-же было отдано приказаніе объ изготовленіи лодокъ къ походу; начали подвозить въ большомъ количествѣ провіантъ, снаряды и другіе припасы; не были забыты также и подкрѣпительные напитки — универсальное средство противъ ожидающихся въ морѣ холодовъ.

Наконецъ—все въ порядкѣ. Приходитъ послѣдняя почта. Остающимся товарищамъ передаются для отсылки прощальныя письма и открытки.

Батопортъ гаванскаго шлюза открывается.

— Отдать концы. Малый впередъ!

Бѣлый дымокъ вырывается изъ трубъ, шумъ и трескъ моторовъ оглашаютъ воздухъ. Головная лодка, «U-195», медленно скользитъ къ выходу изъ гавани и останавливается, войдя въ шлюзъ; остальныя лодки становятся рядомъ съ ней. Нѣсколько минутъ спустя, батопортъ снова закрытъ и уровень воды въ шлюзѣ понижается до уровня рѣки Ядо; потомъ открываются внѣшнія ворота, и лодки одна за другой огибаютъ молъ. При свѣтѣ яркаго осѣняго солнца скользятъ онѣ по рѣкѣ мимо мощныхъ дреднаутовъ и крейсеровъ, изъ трубъ которыхъ поднимаются вверхъ тонкія струйки дыма, быстро таюшія въ ясномъ воздухѣ.

Надъ зелеными пашнями появляются красныя крыши прибрежныхъ деревушекъ; тамъ и сямъ виднѣются группы деревьевъ; съ лѣвой стороны показываются городки Рюстерзіель и Хоокзіель, а съ правой—Эквардень и бѣлая гостинница въ Тоссенѣ. Кое-гдѣ, по поясъ въ водѣ, бродятъ люди; это рыбаки, занятые своимъ столь труднымъ, но теперь и столь-же доходнымъ промысломъ. Полнымъ ходомъ мимо лодокъ проносится добрая полдюжина миноносцевъ; они оставляютъ за собой густой дымъ, нѣкоторое время мѣшающій смотрѣть впередъ; но, мало-по-малу, западный вѣтерокъ очищаетъ горизонтъ. Миноносныя волны, шумя, пробѣгаютъ по верхней палубѣ, заставляя матросовъ прятаться отъ нихъ за рубку. Всѣ свободные отъ службы наслаждаются наверху прекрасной погодой, пока не придетъ время спуститься внизъ, къ запаху масла и къ шуму моторовъ.

Почти зеркально-гладкая поверхность моря едва поднимается и опускается, точно грудь дремлющаго великана. Грязныя сѣро-желтоватыя воды рѣки давно уже смѣнились прозрачной зеленой водой Сѣвернаго моря. Съ правой стороны виднѣются скалы Гельголанда; прямо по-носу медленно идетъ къ гавани парусникъ изъ Финкенверда, съ высокими коричневыми парусами. Спокойная, мирная картина.

Вотъ показывается и проскальзываетъ мимо брандвахтенный корабль; сегодня для нихъ день отдыха, послѣ, можетъ быть, многихъ недѣль свѣжихъ погодъ, когда ихъ неистово выматываетъ и когда имъ приходится по цѣлымъ недѣлямъ непрерывно штормовать. Вся команда его наверху; на леерахъ болтается свѣжевыстиранное бѣлье; нѣсколько молодцовъ сидятъ на борту и пытаются поймать жирную камбалу, чтобы немного разнообразить свой обычный ужинъ.

Солнце уже склонилось къ самому горизонту, и къ нему по морю идетъ золотая сверкающая дорожка.

Матросы вышли подышать свѣжимъ воздухомъ.
(Изъ «The Illustrated War News»)

Вотъ оно медленно погружается въ воду и вскорѣ совсѣмъ исчезаетъ. Наступаютъ сумерки.

Подводныя лодки подходятъ къ миннымъ заграждѣніямъ; надо быть вдвойнѣ осторожными и смотрѣть во-всю. Зоркіе глаза вахтенныхъ устремлены изъ рубки впередъ и съ помощью ночныхъ биноклей пытаются проникнуть въ темноту.

Моторы мѣрно отбиваютъ свой тактъ. Несмотря на позднее время года, воздухъ мягокъ и тепелъ.

За кормою вода свѣтится фосфорическимъ серебряно-голубымъ блескомъ. Прелестная картина для посторонняго наблюдателя, но вдвойнѣ непріятная для подводниковъ, которые предпочитаютъ болѣе неспокойную поверхность моря: ужъ слишкомъ легко можетъ свѣтлый слѣдъ выдать ихъ непріятелю.

Справа надъ самой водой мерцаетъ огонекъ; это датскій рыбачій моторъ, и его нашъ дивизіонъ осторожно обходитъ.

Нѣмецкая подводная лодка.

Смѣна вахты. Въ полъ-голоса сдаютъ вахту офицеръ, рулевой и сигнальщикъ. Нѣсколько минутъ спустя, изъ открытаго люка высовываются головы смѣненныхъ съ вахты мотористовъ и механика; они хотятъ, прежде чѣмъ лечь въ койку, хоть немного подышать свѣжимъ воздухомъ.

Плаваніе продолжается спокойно и безъ приключеній. Дивизіонъ идетъ на сѣверъ.

Свѣтаетъ, встаетъ солнце. На нѣсколько секундъ на нордвестѣ появляется дымокъ и быстро исчезаетъ; самого корабля не видно. Справа отъ насъ лежитъ Скагерракъ. «U-195» идетъ по мѣсту недавняго большого боя; тамъ, внизу, на глубинѣ 60 метровъ, покоятся жертвы 31-го мая—«Queen Mary», «Invincible», «Indefatigable» и другіе; да и съ нѣмецкой стороны спитъ тутъ послѣднимъ сномъ не мало вѣрныхъ товарищей!

Подводныя лодки не предназначены для открытаго морского боя; нашъ родъ оружія требуетъ отъ насъ, подводниковъ, чтобы мы были готовы къ чему-то другому, можетъ быть еще болѣе тяжелому; со всѣхъ сторонъ мы окружены опасностями и ежеминутно рискуемъ погибнуть. Но... не время теперь думать обо всемъ этомъ. Длиненъ нашъ путь, и далеко на сѣверѣ лежитъ наша цѣль.

— Полный впередъ!

Глава II.

Лѣсъ для Англіи.

Голубой длинной колеблющейся линіей показывается прямо передъ нами норвежскій берегъ. Черезъ нѣсколько часовъ «U-195» подходитъ къ нему настолько близко, что представляется возможнымъ разсмотрѣть всѣ его подробности.

Изъ воды отвѣсно подымаются темныя скалы, прорѣзанныя глубокими фіордами; масса острововъ лежитъ на поверхности зеленовато-синяго моря. Дальше, вглубь страны, на фонѣ яснаго неба высятся горныя

вершины, сверкая свѣже-выпавшимъ снѣгомъ; тамъ уже царствуетъ зима. Ни домовъ, ни признаковъ жилья не замѣтно; острова совершенно пустынны; только нѣсколько лоцманскихъ знаковъ на берегу доказываютъ, что гдѣ-то вблизи находятся люди.

Вѣтеръ свѣжѣетъ, море бьется о скалы, и бѣлая пѣна хорошо видна вдоль всего берега; фарватеръ, въ виду присутствія множества подводныхъ скалъ и камней, считается здѣсь чрезвычайно опаснымъ.

А вотъ и признакъ жизни,—домъ вблизи берега, на темномъ фонѣ сосноваго лѣса.

Острова становятся все многочисленнѣе. Открывается бѣлый маякъ и, чтобы обойти его, «U-195» ложится нѣсколько мористѣе. Признаки жилья снова исчезаютъ и путь лодки проходитъ вдоль однообразнаго берега; все тѣ-же черныя скалы, высокія горы. Тысячи чаекъ, вьющихъ свои гнѣзда на островахъ, носятся въ воздухѣ, жадно высматривая свою добычу. Онѣ окружаютъ лодку, но, не найдя ничего съѣстного, съ рѣзкимъ крикомъ исчезаютъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ вѣтеръ стихаетъ, а къ ночи море совсѣмъ штилѣетъ; походъ продолжается въ полномъ спокойствіи. Съ веста показывается и исчезаетъ огонекъ, но у насъ слишкомъ мало времени, чтобы можно было его атаковать: намъ необходимо слѣдовать кратчайшимъ путемъ. Если идущій тамъ пароходъ имѣетъ контрабанду,—мы оставляемъ его на попеченіе идущихъ за нами нашихъ товарищей.

Ночь проходитъ безъ всякихъ происшествій.

Къ вечеру слѣдующаго дня командиръ разсчитываетъ быть на высотѣ Ставангера. Все ближе и ближе подходитъ «U-195» къ раіону своихъ дѣйствій, и намъ надо быть безконечно осторожными. Движеніе кораблей здѣсь крайне оживленно; лѣсъ и рыба на-

правляются въ огромномъ количествѣ въ Англію и Шотландію. Этотъ грузъ для Англіи сейчасъ настолько важенъ, что, конечно, адмиралтейство озаботилось соотвѣтствующей охраной пароходовъ отъ нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ, и крейсера, или даже цѣлыя крейсерскія эскадры, несомнѣнно ходятъ здѣсь дозоромъ.

Справа непрерывно тянется берегъ, такой-же мрачный и холодный, какъ и вчера; горы на материкѣ становятся выше. Погода продолжаетъ быть пріятной; Гольфштремъ, приносящій тепло, даетъ себя чувствовать.

Настроеніе команды прекрасное; всѣ люки открыты и свѣжій воздухъ свободно проникаетъ въ лодку; всѣ свободные, расположившись на носу и на кормѣ, помогаютъ смотрѣть впередъ; видимость прекрасна, и сигнальщики слѣдятъ за горизонтомъ по всѣмъ направленіямъ. Кромѣ маленькаго рыбачьяго судна у береговъ, ничего не видно.

— Лѣво руля,—парусникъ!

На темномъ фонѣ онъ ярко бѣлѣетъ; всѣ паруса поставлены; нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ направляется прямо въ Шотландію. Все отчетливѣе и яснѣе обрисовываются его контуры, и вотъ, наконецъ, его можно разглядѣть свободно. Это—большой баркъ. Высоко расположенный грузъ позволяетъ даже съ большого разстоянія сказать, что на кораблѣ есть контрабанда—лѣсъ, важнѣйшій продуктъ ввоза для Англіи. Въ сырыхъ шахтахъ англійскихъ и шотландскихъ копей дерево чрезвычайно быстро сгниваетъ, а такъ какъ въ самой странѣ этого матеріала достать невозможно, то необходимо его привозить, и Норвегія является единственнымъ поставщикомъ. Этотъ грузъ

съ каждымъ днемъ становится все дороже и дороже, все выше подымается цѣна его фрахта, и барыши норвежскихъ судовладѣльцевъ принимаютъ фантастическіе размѣры. И вотъ, все что можетъ держаться на водѣ,—пускается въ оборотъ; суда, которыхъ за ветхостью не стоило даже и ремонтировать, пробуждаются отъ своего сна и энергично принимаются за работу. Одинъ изъ такихъ ветхихъ стариковъ и находится передъ нами; онъ насъ долго не задержитъ.

Командиръ тотчасъ-же рѣшаетъ его «обдѣлать»:

— Лѣво двадцать!

Рулевой немедленно исполняетъ приказаніе и кладетъ руля.

— Сигналъ: «немедленно остановиться!»

Въ тотъ моментъ, когда флаги взвиваются, норвежецъ замѣчаетъ насъ; онъ сразу приводитъ къ вѣтру, его баркъ замедляетъ ходъ, а черезъ нѣсколько минутъ и совсѣмъ останавливается. Мы съ любопытствомъ осматриваемъ его, но баркъ не представляетъ собою ничего замѣчательнаго.

Нашъ штурманъ кричитъ:

— Это—старая посудина; она плаваетъ только благодаря своему деревянному грузу!

«U-195» приближается къ барку и обходитъ его съ кормы, чтобы прочесть названіе, портъ и отыскать эти имена въ регистрѣ Ллойда; но напрасно: названія баркъ не имѣетъ вовсе. Это доказываетъ, что судно давно уже не числится въ регистрахъ, а потому—цѣнность его весьма ограничена; о его мореходныхъ качествахъ не можетъ быть и рѣчи; рѣшительно, истребленіемъ такого корабля мы только дѣлаемъ услугу его командѣ!

Тѣмъ-не-менѣе, мы поднимаемъ сигналъ: «Оставить корабль въ пятнадцать минутъ!».

У капитана и команды барка, съ момента открытія подводной лодки, не было никакихъ сомнѣній относительно того, что произойдетъ въ слѣдующіе полъ-

Осмотръ парусника англійской подводной лодкой.
(Изъ («The Illustrated War News»).

часа. Меньше чѣмъ черезъ десять минутъ вся команда барка, со своими пожитками, уже посажена на шлюпки и подгребаетъ къ «U-195»; въ первой шлюпкѣ прибываетъ капитанъ съ судовыми бумагами. Все происходитъ такъ быстро, что у подводниковъ невольно появляется довольная улыбка. Повидимому, злополучной командѣ барка не въ первый разъ приходится производить этотъ маневръ, и они къ нему уже привыкли.

Для осмотра бумагъ достаточно лишь бѣглаго взгляда, такъ какъ все совершенно ясно. Въ то время какъ норвежцы поспѣшно гребутъ къ берегу, три нашихъ матроса отправляются на баркъ, чтобы его поджечь. Скоро на немъ показывается легкій дымокъ, потомъ огонь, а черезъ нѣсколько минутъ,—благодаря засвѣжѣвшему вѣтерку,—весь грузъ барка уже объятъ пламенемъ, а гнилые паруса его пылаютъ какъ факелъ; густой черный дымъ тянется къ берегу. И долго еще въ сумеркахъ виднѣется горящій баркъ, въ видѣ большой красной точки.

«U-195» продолжаетъ свой путь.

Мы прошли параллель Бергена. Вѣтеръ свѣжѣетъ, сѣверныя широты все болѣе и болѣе даютъ себя чувствовать. Находитъ сѣрая полоса дождя и затемняетъ горизонтъ. Всѣ люки закрываются. Волны съ шумомъ пробѣгаютъ по всей лодкѣ, такъ-что только на самой рубкѣ ея можно найти болѣе-или-менѣе сухое убѣжище; но это только намекъ на тѣ дни, которые предстоятъ намъ въ будущемъ! Берегъ, вчера ясно видимый, сегодня кажется совершенно исчезнувшимъ. Слегка покачиваясь, «U-195» продолжаетъ свой путь. Ничего не видно.

Около 4 часовъ дня впереди открывается густой дымъ. Раздается протяжный гудокъ, призывающій всѣхъ

къ своимъ мѣстамъ; принимаются всѣ мѣры предосторожности: неизвѣстно, чѣмъ можетъ оказаться виднѣющійся дымокъ—крейсеръ, вспомогательный крейсеръ, а можетъ быть—просто вооруженный пароходъ.

Дымъ приближается, и изъ за горизонта понемногу показывается корабль; двѣ мачты, одна труба—грузовикъ или вспомогательный крейсеръ. Когда подходимъ ближе—различаемъ знаки на трубѣ; они показываютъ, что пароходъ принадлежитъ обществу Вильсонъ.

Съ разстоянія двухъ съ половиной миль непріятель насъ открываетъ; но, въ то-же самое время, раздается и нашъ предупреждающій выстрѣлъ. Пароходъ не останавливается. Еще выстрѣлъ — онъ повернулъ и направляется къ берегу. Изъ его трубы валитъ густой дымъ; бѣлая полоса у носа показываетъ, что англичане собираются развить полный ходъ и пытаются этимъ спастись; но «U-195» направляется за ними.

Минутъ черезъ пять погони мы замѣчаемъ, что прямо по носу парохода что-то заблестѣло: пока наше общее вниманіе было направлено на удирающаго, съ его правой стороны вынырнула другая наша подводная лодка и, моментально оцѣнивъ обстановку, всту-

пила съ нимъ въ бой. Теперь уже съ двухъ сторонъ сверкаютъ выстрѣлы и жужжатъ гранаты; они попадаютъ въ спардекъ, въ подводную часть, разбиваютъ въ куски рубку на полуютѣ. Команда парохода въ смертельномъ страхѣ мечется по палубѣ. Наконецъ, подъ свистъ гранатъ, пароходъ замедляетъ свой ходъ. Команда садится въ шлюпки, капитанъ получаетъ приказаніе явиться на лодку съ бумагами. Нѣсколько минутъ спустя, онъ уже взбирается на палубу лодки. Изъ осмотра его бумагъ выясняется, что онъ везетъ самые разнообразные товары, и все сплошь—контрабанда.

— Почему вы не остановились послѣ перваго выстрѣла; развѣ вы не знаете, что вы играли жизнью вашей команды?

Англичанинъ пожимаетъ плечами.

— Если-бы, несмотря на поврежденіе, вамъ удалось-бы уйти, то вы, конечно, разсказали-бы тамъ, у васъ въ Англіи, что вы были обстрѣляны безъ предупрежденія, а потомъ — инсценировали-бы всѣмъ хорошо извѣстное, благодаря бюро Рейтера, возмущеніе поведеніемъ командировъ нѣмецкихъ лодокъ!

Капитанъ объясняетъ, что онъ надѣялся спастись въ нейтральныхъ водахъ.

— Ваше судно будетъ потоплено; команда можетъ грести къ берегу, а вы сами останетесь на борту, въ качествѣ военноплѣннаго.

Проходитъ четверть часа. На пароходѣ работаетъ подрывная партія; слышно нѣсколько взрывовъ, вода устремляется въ пробоины, пароходъ погружается все глубже и глубже и, наконецъ,— носомъ внизъ идетъ ко дну.

Глава III.

Преслѣдуемые.

— Небольшой парусникъ слѣва!—послѣ долгаго наблюденія докладываетъ одинъ изъ сигнальщиковъ вахтенному начальнику.

— Вотъ такъ штука! Что ему здѣсь нужно, въ такую погоду.

Но, какова-бы ни была цѣль, заставившая небольшой парусникъ выйти такъ далеко въ море, «U-195» направляется къ нему.

Съ ранняго утра уже дуетъ нордвестъ; съ каждымъ часомъ свѣжѣетъ, и море покрыто высокими волнами; оставаться на рубкѣ становится все болѣе и болѣе непріятнымъ; всѣ люки задраены, носъ и корма лодки почти все время находятся подъ водой. Волны ударяются въ рубку и ежеминутно обливаютъ находящихся на ней четырехъ человѣкъ; несмотря на дождевое платье, всѣ мокры насквозь, а погода становится все хуже и хуже.

Лодка танцуетъ, качается, рыскаетъ, зарывается въ воду; то она уходитъ носомъ глубоко внизъ, такъ что винты ея со страшной быстротой начинаютъ вертѣться въ воздухѣ, то садится кормой, точно собираясь вылетѣть на воздухъ.

Внизу — не лучше; пропитанный масломъ воздухъ оглашается стукомъ моторовъ; въ борта непрестанно ощущаются сильные толчки. Попытки удержаться на мѣстѣ, или балансировать, — не ведутъ ни къ чему.

Въ командномъ помѣщеніи свободные отъ службы матросы лежатъ на животѣ, какъ жабы, и съ улыбкою наблюдаютъ за двумя молодыми товарищами, повидимому—впервые испытывающими на себѣ такую трепку; оба молодые всѣми своими силами стараются побороть

въ себѣ приступы морской болѣзни, но тщетно. Обычныхъ насмѣшекъ не слышно; вѣдь то-же самое было и со всѣми остальными матросами, когда имъ впервые приходилось встрѣчать штормъ. Старый и опытный подводникъ утѣшаетъ ихъ съ сочувственной улыбкой:

—Не печальтесь,—скоро привыкнете!

Начавшіеся холода даютъ себя чувствовать; но, несмотря на то, что почти ни на комъ нѣтъ сухой нитки,—такъ какъ остаться сухимъ совершенно невозможно,—это нисколько не вліяетъ на настроніе экипажа.

Въ уголкѣ сидятъ два старыхъ матроса и, не безъ нѣкоторой доли юмора и сантиментальности, поютъ въ тактъ качкѣ: «Тихо, тихо море спитъ...».

Командиръ давно могъ-бы уйти отъ качки подъ воду, такъ какъ подъ водой качки почти нѣтъ, но съ рубки все окружающее гораздо виднѣе, чѣмъ черезъ перископъ, и потому онъ продолжаетъ идти надъ водой.

«U-195» кладетъ лѣво руля, прямо на перерѣзъ волнѣ, и направляется къ кораблю, все яснѣе и яснѣе виднѣющемуся на фонѣ водяныхъ брызгъ.

Стало ясно, что онъ терпитъ бѣдствіе. Штормъ повалилъ его мачты и выбросилъ ихъ за бортъ; на носу его висятъ, свѣшиваясь въ воду, обрывки парусовъ; волны, одна за другой, перекатываются черезъ его палубу; долго онъ, во всякомъ случаѣ, не продержится. Къ обломку его мачты привязанъ человѣкъ; онъ отчаянно машетъ краснымъ флагомъ.

Нашъ командиръ подходитъ настолько близко, насколько это позволяетъ безопасность своего собственнаго корабля. На «норвежцѣ» показывается нѣсколько человѣкъ команды; въ полупортикахъ видны ихъ блѣдныя лица; они увидѣли приближаю-

щуюся помощь и радуются,—хотя въ то-же время и боятся, что нѣмецкая лодка не сможетъ ихъ снять. Человѣкъ, привязанный къ мачтѣ, перестаетъ махать.

«U-195» осторожно подходитъ еще ближе и бросаетъ на судно конецъ; люди съ парусника бросаются въ воду и ихъ, одного за другимъ, вытаскиваютъ на лодку. Мокрые какъ собаки, съ потоками стекающей воды, одинъ за другимъ сходятъ они черезъ средній люкъ въ командное помѣщеніе, гдѣ сообразительный кокъ въ одинъ моментъ приготовляетъ имъ на электрической плитѣ горячій кофе.

Напоивъ ароматнымъ напиткомъ, ихъ укутываютъ въ теплыя одѣяла и снабжаютъ сухой одеждой. Они быстро отходятъ и начинаютъ съ любопытствомъ озираться вокругъ себя. Изъ ихъ разсказовъ выясняется, что они вышли въ море на своемъ маленькомъ суденышкѣ два дня тому назадъ, изъ Алезунда. Въ морѣ ихъ засталъ штормъ; первыми же его порывами были сломаны мачты. Они были очень обезпокоены, когда увидѣли, что приближающаяся къ нимъ лодка была нѣмецкою, потому-что...—вначалѣ они не хотѣли говорить почему, но потомъ сознались,—послѣ всего того, что говорилось и писалось въ ихъ странѣ о нѣмцахъ, они не ожидали отъ нихъ подобной доброты...*)

Въ такую погоду нечего было и думать брать баркъ на буксиръ, а съ другой стороны—присутствіе на борту лодки норвежцевъ было крайне нежелательнымъ. Не говоря уже объ ихъ непривычкѣ къ подводному плаванію, надо еще было принять во вниманіе то, что командиръ, взявъ ихъ на лодку, бралъ на себя отвѣтственность за ихъ жизнь.

Послѣ короткаго обсужденія, рѣшено было подойти къ берегу и передать ихъ на какое-либо проходящее судно.

*) Нѣмецкое тщеславіе автора. *(Ред.)*.

Государств. [illegible] ная
историческая
библиотека

Черезъ часъ подъ берегомъ дѣйствительно показался небольшой пароходикъ, который и забралъ потерпѣвшихъ крушеніе, благодарившихъ отъ всей души «нѣмецкихъ варваровъ».

«U-195» опять пошла въ море и продолжала свое плаваніе.

Сѣверный полярный кругъ былъ уже пройденъ. Нордвестъ продолжалъ дуть съ неослабѣвающей силой. Проливной дождь хлесталъ въ лодку.

Какая разница съ первыми днями плаванія, когда, въ сіяніи солнечныхъ лучей, лодка выходила въ Сѣверное море!

Въ морѣ, на походѣ, на русской подводной лодкѣ.

Командиръ забиралъ все мористѣе и мористѣе, чтобы теченіемъ или штормомъ лодку не нанесло на камни и скалы.

Временами набѣгалъ такой сильный дождь, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ничего не было видно.

Вдругъ раздался легкій, едва замѣтный толчекъ по борту, и черезъ нѣсколько мгновеній снизу изъ лодки доложили:

— Слѣва бьется о бортъ какой-то металлическій предметъ!

Въ то же время, съ рубки всѣ обратили вниманіе на какой-то звукъ, который, несмотря на шумъ пробѣгающихъ волнъ, былъ слышенъ съ кормы. Три пары глазъ обратились по направленію звука на корму; тамъ, въ волнахъ, качалось что-то зеленое, какой-то большой шаръ.

— Мина!...

Поблѣднѣвшіе отъ волненія люди инстинктивно бросились въ сторону и замерли; но въ слѣдующую же секунду снова овладѣли собой.

— Вотъ такъ штука могла-бы быть! Хорошо, что мина не была опасной! Очевидно, происхожденіе ея относится къ тѣмъ временамъ, когда Англія еще уважала международное право и употребляла мины, которыя при всплытіи автоматически становились безопасными *).

Нѣкоторое время мина еще виднѣлась за кормой, потомъ исчезла.

Черезъ день штормъ ослабѣлъ и погода стала значительно лучше. Волненіе было еще сильное, но «U-195» скоро подошла къ фарватеру, гдѣ море было гораздо спокойнѣе.

Наконецъ, лодка вступила въ совершенно спокойную воду; люки открываются, всѣ не занятые службой вылѣзаютъ наверхъ; несмотря на то, что наверху очень прохладно, они все-таки, раньше чѣмъ пройти на подвѣтренную сторону рубки, даютъ вѣтру хорошенько себя прохватить.

Ни на берегу, ни въ морѣ нѣтъ ничего особеннаго. Ничего, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ, повидимому рыбачьихъ, лодокъ, не видно. «U-195» обходитъ ихъ, описывая большой кругъ, чтобы не быть замѣченой: англійскіе шпіоны находятся повсюду,

*) Нѣмецкій уколъ англійскому самолюбію. *(Ред.)*.

даже можетъ-быть и на нихъ; но если это и не такъ, то все равно, обнаруживъ насъ, то или другое судно непремѣнно поспѣшитъ домой, чтобы сообщить англійскому консулу важную вѣсть о появленіи такъ далеко на сѣверѣ нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ; населеніе, вѣроятно, знаетъ по опыту, что Англія хорошо оплачиваетъ такія донесенія *).

Скоро рыбаки скрылись изъ виду.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ничего не было замѣтно; но, при смѣнѣ вахты, съ норда открылся дымъ. Наблюденіемъ за нимъ было установлено, что тамъ должны быть быстро-идущіе суда; это могли быть лишь непріятельскіе корабли. Если мы и они будемъ продолжать идти тѣми-же курсами, то наша встрѣча съ ними неминуема.

Опять по всей лодкѣ звучитъ боевой сигналъ. Идиллія на верхней палубѣ мгновенно прекращается; въ нѣсколько прыжковъ команда скрывается внизъ и люки одинъ за другимъ задраиваются.

Корабли приближаются, идя къ намъ полнымъ ходомъ. Одинъ крейсеръ и два истребителя!

— Погруженіе!

Нѣсколько короткихъ приказаній и переводъ рычаговъ; вода съ шумомъ устремляется въ систерны. Все выше и выше подымается уровень моря, покрывая иллюминаторы рубки. Вскорѣ «U-195» исчезаетъ подъ водой; перископъ выдвинутъ.

Но англичане уже успѣли замѣтить странный, свѣтящійся въ послѣднихъ лучахъ солнца, предметъ; ясно видно, какъ они переговариваются по семафору. Потомъ коротко вспыхиваетъ огонекъ выстрѣла и показывается бѣлый дымокъ; въ слѣдующее мгновеніе

*) Еще одинъ уколъ Англіи. *(Ред.)*.

такой-же огонекъ вспыхиваетъ и на другомъ кораблѣ, и слышится глухой ударъ, точно молотомъ по стѣнѣ; это—взрывъ снаряда, упавшаго поблизости въ воду.

Полнымъ ходомъ мчится на насъ непріятель.

— Перископъ внизъ. Погружаться!

Глубже и глубже погружается лодка, и все дальше и дальше двигается стрѣлка глубомѣра; двадцать метровъ, двадцать пять метровъ, тридцать,— въ безопасности!

Глухой шумъ винтовъ приближается, проносится мимо насъ и удаляется. Шумъ винтовъ истребителя совершенно явственно отличается отъ шума винтовъ крейсера.

Проходитъ четверть часа, полъ-часа; навѣрно уже тамъ, наверху, успокоились!..

Еще цѣлый часъ идетъ лодка на глубинѣ, потомъ всплываетъ, и перископъ ея поднимается надъ водой.

Ничего не видно. Небольшой дымокъ указываетъ на то, что непріятель ужъ далеко на югѣ. Помпы выкачиваютъ изъ систернъ воду; рубка, носъ и корма показываются изъ воды. Свободная команда вылѣзаетъ наверхъ.

Дальнѣйшее плаваніе на нордъ продолжается спокойно и безпрепятственно. Справа открываются Лофотенскіе острова; можно ясно различить далекія, въ видѣ острыхъ зубьевъ, вершины скалъ. Мѣстность изобилуетъ рыбой, и потому здѣсь работаетъ цѣлая флотилія рыбачьихъ судовъ, снабжающая рыбой главнымъ образомъ—Англію. Англія сюда даже посылаетъ своихъ собственныхъ рыбаковъ, съ ихъ судами, для ловли минъ или для сторожевой службы.

Въ сумерки мы проходимъ Лофотенскіе острова, а къ разсвѣту они уже лежатъ далеко позади насъ.

Все ближе и ближе раіонъ нашихъ дѣйствій. Все чаще появляются на горизонтѣ дымы, а иногда откры-

...мѣстность изобилуетъ рыбой, и здѣсь работаетъ цѣлая флотилія рыбачьихъ судовъ.

ваются даже верхушки мачтъ и трубъ; но командиръ нашъ рѣшаетъ пока еще скрываться, чтобы наше присутствіе не было открыто слишкомъ рано.

Солнечныхъ дней больше не будетъ, такъ какъ настаетъ темная часть года; это обстоятельство насъ не только не смущаетъ, но наоборотъ, даже радуетъ, такъ какъ темнота позволяетъ подводной лодкѣ лучше скрываться отъ враговъ и вѣрнѣе преслѣдовать свою добычу.

— Берегъ прямо по-носу!

Изъ-за горизонта высоко поднимается черная скала, точно рогъ носорога.

— Нордкапъ!

Близка наша цѣль.

Глава IV.

Штормъ и льды.

Уже нѣсколько часовъ барометръ падаетъ...

Сильными порывами дуетъ ледяной сѣверный вѣтеръ. Волны катятся по палубѣ и дѣлаются все выше и выше; всѣ люки давно уже задраены. Качка становится настолько большой, что оставаться на рубкѣ почти невозможно. Волны ежеминутно обливаютъ стоящихъ на ней людей, уже давно промокшихъ насквозь. Вода точно набрасывается на нихъ, ударяя въ дождевое платье и проникая за него; глаза дѣлаются красными и усталыми, бинокли все время приходится протирать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, «U-195» начинаетъ какую-то совсѣмъ особенную пляску; волны, изъ длинныхъ вдругъ превращающіяся въ короткія, заставляютъ лодку неимовѣрно раскачиваться во всѣ стороны. Командѣ еще ни разу не приходилось переживать такого удовольствія; она бывала въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, бывала и въ Атлантикѣ; каждое

изъ этихъ морей имѣло свою особенность, въ смыслѣ погоды и вѣтровъ, но тутъ, кажется,—соединились сразу всѣ злыя силы.

Внутри лодки—не лучше. По всей лодкѣ стоитъ непрерывный гулъ отъ разбивающихся о бортъ волнъ. Ноги становятся безполезными, такъ какъ приходится держаться только однѣми руками; одна рука схватываетъ поручень, другая—управляетъ моторомъ; ноги и колѣни остаются безъ всякой опоры. Отъ напряженія потъ съ людей льетъ градомъ; но ослабить вниманія нельзя ни на одну секунду.

Старшій инженеръ-механикъ все время наблюдаетъ за механизмами; особенно безпокойно смотритъ онъ на моторы, когда, при поднятой кормѣ, винты начинаютъ вращаться въ воздухѣ; но, все въ исправности, благодаря опытной и хорошо обученной машинной командѣ.

Моторы трещатъ. Масло разливается повсюду; платье команды пропитано имъ насквозь. Воздухъ ужасный. Даже самые привычные матросы начинаютъ чувствовать приступы морской болѣзни, противъ которой они продолжаютъ бороться всѣми силами. Смѣна вахты происходитъ каждый часъ.

Штормъ и волненіе все продолжаются.

Масса стремительно несущихся сѣро-черныхъ тучъ неожиданно разрѣшается ледянымъ градомъ; онъ стучитъ по палубѣ, рубкѣ и больно бьетъ въ лицо. Вахтенные и сигнальщики стараются защищать лицо руками, чтобы имѣть возможность смотрѣть впередъ; но, кромѣ кормы и носа,—ничего не видно. Правда, нѣкоторымъ утѣшеніемъ для насъ служитъ то соображеніе, что, вслѣдствіе невозможности бороться вблизи береговъ съ такимъ штормомъ, всѣ находящіеся въ морѣ корабли несомнѣнно привели противъ

вѣтра и, такимъ образомъ, столкновеніе съ ними невозможно.

Штормъ становится все сильнѣе и сильнѣе. Море кажется кипящимъ; оно сплошь покрыто бѣлой пѣной.

«U-195» идетъ на нордъ, малымъ ходомъ. Сзади насъ лежитъ берегъ; штормъ пытается снести лодку къ нему. Если-бы почему-либо застопорились наши моторы,—то мы были бы на берегу; но, сейчасъ не время предаваться столь мрачнымъ размышленіямъ...

Метрахъ на тридцати подъ водой штормъ, вѣроятно, не ощущается въ такой степени, но намъ еще не такъ плохо, чтобы нужно было погружаться: командиръ всегда имѣетъ это средство въ своемъ распоряженіи; да и кто знаетъ, какія тамъ, внизу, теченія и что будетъ происходить въ это время наверху. Карты, конечно, показываютъ теченія, но лишь на поверхности моря, а никакъ не на глубинѣ тридцати метровъ, гдѣ еще никто не бывалъ.

Начинаетъ падать снѣгъ. Вѣтеръ сразу какъ-то стихаетъ, такъ что снѣжинки, мчавшіяся раньше почти горизонтально, начинаютъ спокойно падать внизъ; вода понемногу принимаетъ обычную темную окраску; пѣна и брызги, наполнявшія воздухъ, смѣняются тихо падающимъ снѣгомъ.

Штормъ прошелъ такъ-же внезапно, какъ и налетѣлъ. Черезъ часъ даже и снѣгъ перестаетъ падать; проясняется, и послѣдніе остатки облаковъ уносятся въ восточномъ направленіи. Снова голубое небо и улыбающееся солнышко.

Море тоже становится спокойнѣе, и командиръ передаетъ по рупору внизъ, что можно попробовать открыть люки; онъ хочетъ, чтобы люди поскорѣе вышли изъ пропитанной масломъ атмосферы и провѣтрились-бы на свѣжемъ воздухѣ. Люки открываются

и понемногу всѣ вылѣзаютъ на-верхъ; поблѣднѣвшія лица матросовъ снова оживляются и принимаютъ свою обычную окраску.

Измѣрили температуру воды: пять градусовъ выше нуля. Это—вліяніе благодѣтеля побережья, Гольфстрема, безъ котораго вся страна давно была-бы подъ вѣчными снѣгами и льдомъ, какъ лежащая гораздо южнѣе Гренландія.

Нашъ штурманъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, взялъ высоту солнца для опредѣленія мѣста; оказалось, что за время шторма «U-195» очутилась гораздо сѣвернѣе, чѣмъ это должно было быть на самомъ дѣлѣ.

Не видно ни одного парохода, ни дыма, которые обозначили бы проходящую здѣсь большую дорогу; надо спуститься южнѣе.

Начинаетъ темнѣть. Солнце скрывается на нордъ-вестъ; его лучи свѣтятся на лиловатыхъ облакахъ и окрашиваютъ золотомъ ихъ края. Сумерки длятся чрезвычайно долго; затѣмъ наступаетъ угольно-черная ночь.

Стало еще тише; несмотря на холодъ, тепло одѣтые подводники остаются на палубѣ, оправляясь отъ пережитыхъ непріятностей свирѣпаго шторма.

Вдругъ, по всему небу разбрасываются блѣдно-фіолетовые лучи, которые поднимаются высоко вверхъ и соединяются въ зенитѣ; окраска ихъ непрерывно мѣняется; лучи то блѣднѣютъ, то вновь загораются яркими тонами, переходя въ синій, даже въ свѣтло-красный цвѣтъ. Временами по небесному своду пробѣгаетъ легкая колеблющаяся тѣнь, а вслѣдъ за нею—опять бѣгутъ дрожащія волны; наконецъ, всѣ лучи собираются въ одинъ, который свѣтитъ ярче всѣхъ. Каждую минуту форма и цвѣта мѣняются.

Это—сѣверное сіяніе.

Точно заколдованная, затаивъ дыханіе, стоитъ команда и наблюдаетъ необъяснимое явленіе, о которомъ такъ много говорится, но красота котораго превосходитъ всѣ ожиданія. Никто и не думаетъ идти спать. Когда краски понемногу блѣднѣютъ, на небѣ зажигаются звѣзды. Вода журчитъ вдоль бортовъ и далеко сзади фосфорически свѣтится нашъ слѣдъ.

Сѣрѣетъ утро. Медлено загорается утренняя заря. Въ восходящемъ солнцѣ блестятъ горы Финмаркена: отъ самой вершины и до самаго моря все совершенно бѣло. Въ одну ночь настала глубокая зима. Горы и долины сливаются въ одно цѣлое, ослѣпительно-бѣлаго цвѣта; а море—все то же лазурно-голубое.

Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ недѣль дни будутъ дѣлаться все короче и короче, и, наконецъ,—наступитъ вѣчная ночь; а съ ней придутъ и льды.

Лоція совѣтуетъ мореплавателямъ избѣгать эти широты; но война—не считается съ такими совѣтами: пароходы съ аммуниціей и военными матеріалами идутъ здѣсь непрерывно, одинъ за другимъ, и... по ихъ слѣдамъ—нѣмецкая подводная лодка осторожно продвигается впередъ...

Глава V.

Каперство.

Наконецъ-то мы въ раіонѣ нашихъ военныхъ операцій!

«U-195» прошла далеко къ сѣверу отъ Нордкапа и выбираетъ себѣ мѣсто съ такимъ разсчетомъ, чтобы можно было слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что будетъ происходить между ней и берегомъ. Всѣ корабли,

идущіе въ Архангельскъ, должны пройти мимо нея, такъ какъ съ одной стороны—вслѣдствіе штормовыхъ погодъ они не могутъ держаться слишкомъ близко къ берегу, а съ другой стороны — принуждены идти все-таки въ виду береговъ, такъ какъ маяковъ здѣсь очень мало.

Другая лодка, «U-196», отъ Нордкапа прошла еще дальше.

Поздно ночью «U-195» занимаетъ свою позицію. Ночью—нечего и разсчитывать на встрѣчи съ пароходами; но утромъ слѣдующаго дня—дѣло, несомнѣнно, предстоитъ серьезное!

Лодка идетъ малымъ ходомъ, имѣя на рубкѣ вахтеннаго офицера, сигнальщика и рулевого. Пронизываетъ ледяной вѣтеръ. Волны безпрестанно ударяются въ борта лодки. Лицо горитъ отъ холода, глаза устали. Время-отъ-времени вода обливаетъ рубку и стоящихъ

на ней людей; они смотрятъ въ ночные бинокли и стараются проникнуть въ царящую вокругъ темноту.

Начинаетъ идти снѣгъ; онъ идетъ всего нѣсколько минутъ, но, во всякомъ случаѣ,—не дѣлаетъ пребываніе на рубкѣ болѣе пріятнымъ.

Ночные часы ползутъ медленно и тоскливо. Когда начинаетъ свѣтать, на рубку выходитъ командиръ. Онъ жмется отъ холода и поднимаетъ воротникъ. Вахтенный начальникъ докладываетъ ему о томъ, что произошло за время его вахты: вдали были видны огни большого парохода, идущаго въ Архангельскъ; другой пароходъ, поменьше,—держится подъ берегомъ.

Командиръ потираетъ отъ удовольствія руки:

— Ну значитъ мы на вѣрномъ мѣстѣ! Вы, кажется, совсѣмъ замерзли? Идите-ка внизъ, я постою за васъ на вахтѣ.

Смѣна вахты. Пока свѣтаетъ—ничего не замѣтно; но, когда солнце поднимается надъ горизонтомъ и свѣтъ его начинаетъ проникать черезъ сѣрую завѣсу облаковъ, сигнальщикъ докладываетъ, что видны верхушки двухъ мачтъ. Всѣ съ напряженіемъ начиваютъ смотрѣть по указанному направленію; дѣйствительно, изъ-за горизонта медленно появляется пароходъ. Спокойно, ничего не подозрѣвая, онъ идетъ въ нашу сторону. Когда онъ весь появляется изъ-за горизонта, мы видимъ, что онъ до верху загруженъ лѣсомъ. Пароходъ — четвертаго класса, имѣетъ,—по оцѣнкѣ стоящаго на вахтѣ офицера,—не болѣе тысячи тоннъ водоизмѣщенія. Съ пыхтѣніемъ и кряхтѣніемъ двигается онъ впередъ, имѣя не больше восьми узловъ ходу.

Минута размышленія. Стрѣлять—не стоитъ, такъ-же какъ и взрывать его: дерево будетъ долго плавать, и разскажетъ другимъ проходящимъ пароходамъ о ра-

ботѣ нѣмецкой подводной лодки; остается поджечь его,—но огненный факелъ выдастъ насъ еще въ большей степени. Слѣдовательно,—выгоднѣе все-таки потопить.

Съ выдвинутымъ перископомъ проходитъ «U-195» за кормой парохода; онъ не несетъ никакихъ національныхъ марокъ, но,—согласно надписи: «Фритіофъ, Норвегія»,—во всякомъ случаѣ—нейтральный.

Мы рѣшаемъ, что не стоитъ терять времени на такую старую калошу, и даемъ ему возможность спокойно продолжать свой путь; онъ такъ и не подозрѣвалъ, какъ близка къ нему была опасность!

«U-195» скоро теряетъ его изъ виду; надо надѣяться, что слѣдующая добыча будетъ жирнѣе.

Не прошло и часа, какъ показался густой черный дымъ. Шотландскій уголь! Понемногу открываются двѣ мачты, одна труба и ростры; вотъ это будетъ жирная добыча! Корабль сидитъ очень глубоко, много глубже, чѣмъ это разрѣшается; замѣтивъ это, подводники облегченно вздыхаютъ.

Недостатокъ тоннажа въ Англіи даетъ себя сильно чувствовать, и это заставляетъ ихъ перегружать пароходы до послѣдней степени; и вотъ,—передъ нами,—одно лишнее доказательство этого; если-бы этотъ пароходъ встрѣтилъ въ Сѣверномъ морѣ свѣжую погоду, то еще неизвѣстно,—что-бы съ нимъ случилось!

Вахтенный офицеръ считаетъ пароходъ угольщикомъ, но командиръ съ этимъ не согласенъ.

«U-195» медленно идетъ къ пароходу, а онъ, ничего не подозрѣвая, спокойно продолжаетъ свой путь, и вотъ, наконецъ, подходитъ совсѣмъ близко.

Флага нѣтъ, національныхъ обозначеній—тоже, трубы черныя; безъ сомнѣнія,—это непріятельскій па-

роходъ. Когда разстояніе до него доходитъ до трехъ миль, лодка приготовляется къ артиллерійскому бою.

— Открыть огонь!

Раздается громкій выстрѣлъ. Граната жужжитъ, ударяется въ воду метрахъ въ пятидесяти впереди корабля, рикошетируетъ и исчезаетъ. Одновременно съ этимъ, на лодкѣ поднимается сигналъ по международному своду: «Немедленно остановиться!»

Эффектъ получается полный. Вахтенный, спокойно гулявшій по мостику парохода, бросается къ борту, капитанъ выскакиваетъ изъ своей каюты, команда высыпаетъ на палубу. Въ одно мгновеніе всѣ поняли въ чемъ дѣло; бѣлый паръ, повалившій изъ трубы, и спокойная вода за кормой,—говорятъ объ исполненіи сигнала.

Пароходъ, повидимому, не вооруженъ. Нашъ командиръ даетъ приказаніе поднять сигналъ:

«Немедленно прислать шлюпку съ судовыми бумагами».

Это приказаніе также исполняется очень быстро; на палубѣ поднимается суетня, шлюпка спускается на воду и гребетъ къ подводной лодкѣ.

Первымъ на палубу взбирается штурманъ, съ бумагами. Англичанинъ. Пароходъ—«J. Y. Short», изъ Ливерпуля, на пути въ Архангельскъ. Нашъ командиръ, при общемъ молчаніи, перелистываетъ бумаги. Добыча недурна; команда видитъ по лицу командира, что на этотъ разъ надежда оправдалась. Забыты и штормъ, и гнетущая мертвая зыбь, и всѣ трудности похода...

На «англичанинѣ»—капитанъ и штурманъ ждутъ на мостикѣ, а команда, съ узелками, сгруппировалась на палубѣ.

— Оставить корабль въ 15 минутъ!

Команда спускаетъ шлюпки. Черезъ десять минутъ корабль оставленъ, послѣдній багажъ погруженъ въ шлюпки. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онѣ отваливаютъ отъ борта, на пароходъ прибываетъ подрывная партія подводной лодки; подрывные патроны закладываются съ такимъ расчетомъ, чтобы «J. Y. Short'a» изъ Ливерпуля вполнѣ надежно отправить на дно.

Черезъ нѣкоторое время слышны два глухихъ взрыва; пробоины образуются какъ-разъ на ватерлиніи, и вода широкой струей устремляется внутрь. Пароходъ медленно кренится на правый бортъ, переворачивается, плаваетъ еще нѣсколько минутъ вверхъ килемъ, а потомъ—идетъ ко дну, со всѣмъ своимъ драгоцѣннымъ грузомъ.

Къ этому времени три шлюпки съ «Short'a» подходятъ къ намъ; имъ подаютъ концы, чтобы взять ихъ на буксиръ и подвести къ берегу.

Около двухъ часовъ продолжается буксировка. Настроеніе у всѣхъ превосходное. По шлюпкамъ передается бутылочка съ виски; повидимому, англичане не очень опечалены потерей своего корабля.

Вахтенный офицеръ, все время наблюдавшій за берегомъ, докладываетъ командиру:

— Господинъ капитанъ-лейтенантъ, подъ берегомъ идетъ небольшой пароходъ; на него мы могли-бы сдать нашихъ «друзей» въ шлюпкахъ.

Командиру эта мысль приходится по душѣ.

— Прекрасно, это намъ дастъ возможность быстро отъ нихъ отдѣлаться!

Мы мѣняемъ курсъ и идемъ къ пароходу. Это—«норвежецъ». По нашему сигналу онъ тотчасъ-же останавливается. Выглядитъ онъ ужасно грязно и, къ тому-же,—отъ него на большое разстояніе распростра-

няется непріятный запахъ; грузъ его—250 тоннъ рыбы—направляется въ Александровскъ. Контрабанда!

Въ рубкѣ довольно улыбаются. Кругомъ на горизонтѣ никого не видно, а потому на лодкѣ поднимается сигналъ:

«Бросить грузъ за бортъ!».

Это приказаніе, какъ потомъ выяснилось, всѣмъ пришлось по вкусу; норвежцы—были рады сохраненію своего корабля и освобожденію его отъ вонючаго груза, а наши англичане—рады были оставить, наконецъ, свои не комфортабельныя шлюпки. Большіе тюки рыбы летятъ одинъ за другимъ въ море; стараніе, съ которымъ работаетъ команда, заражаетъ даже англичанъ: вначалѣ только наблюдавшіе со стороны, они сами берутся за работу, и соперничаютъ въ скорости съ норвежцами. Скоро все море вокругъ покрывается плавающей рыбой.

Пароходъ пускается въ путь, а «U-195» продолжаетъ свое каперство.

Глава VI.

Встрѣча.

Съ ранняго утра «U-195» держится на высотѣ Варангерфіорда и идетъ малымъ ходомъ на остъ, по тому-же самому морскому пути. Командиръ не хочетъ подходитъ особенно близко къ берегу, чтобы не быть замѣченнымъ кораблями, выходящими изъ Варде и Вадсе.

На берегу уже распространилось съ быстротой молніи извѣстіе объ оперирующихъ въ этихъ водахъ нѣмецкихъ подводныхъ лодкахъ: никто не хочетъ показываться. Можетъ-быть, слухи о насъ пошли еще

дальше... Изъ рубки видно, какъ нѣсколько маленькихъ пароходовъ выходятъ изъ фіордовъ и держатся подъ самымъ берегомъ, внимательно осматривая горизонтъ; но напрасно: они не видятъ ровно ничего.

Часъ за часомъ проходятъ въ томительномъ ожиданіи. Около полудня на остѣ открывается дымъ; вскорѣ изъ-за горизонта показываются двѣ мачты, одна труба и, наконецъ, корпусъ. Судя по направленію, пароходъ идетъ изъ Архангельска, гдѣ онъ, сдавши свой грузъ, вѣроятно погрузилъ новый.

— Лейтенантъ, держите курсъ прямо на него; онъ долженъ имѣть цѣнный грузъ!

«U-195» полнымъ ходомъ мчится къ пароходу, но, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда начинаетъ открываться его спардекъ, съ сѣвера внезапно подходитъ полоса тумана, и пароходъ совершенно скрывается, точно его окунули въ молоко. Сѣрая стѣна находитъ все ближе; вотъ она нашла на насъ, окутала лодку и пошла дальше.

— Стопъ машина!

Наше положеніе внушаетъ намъ большія опасенія. Гдѣ идетъ пароходъ? Застопорилъ-ли онъ машины, такъ-же какъ и мы?

Вѣрнѣе, что нѣтъ: онъ продолжаетъ идти тѣмъ-же курсомъ и малымъ ходомъ, чтобы не терять времени, и чтобы его теченіемъ не снесло къ берегу, или на подводные камни. Въ такихъ случаяхъ судьба парохода и команды легко ставится на карту, лишьбы использовать драгоцѣнный тоннажъ, котораго англичанамъ такъ недостаетъ! Пароходъ не можетъ медлить, такъ какъ владѣлецъ привлечетъ его къ отвѣтственности за потерянное зря время; тихоходовъ теперь не особенно любятъ.

Вдругъ мы отчетливо слышимъ отдаленный глухой звукъ; это звучитъ туманный сигналъ. Онъ доносится неясно и глухо, точно сѣрая масса тумана нехотя его пропускаетъ. Всѣ напрягаютъ свой слухъ, силясь понять, откуда идетъ звукъ. То кажется, что онъ раздается прямо по носу, то справа, то слѣва; то вдругъ—опять ничего не слышно. Но вотъ, такъ же неожиданно, до насъ доносится другой звукъ, гораздо сильнѣе перваго; это, навѣрно, еще одинъ пароходъ, находящійся значительно ближе. Но гдѣ онъ, и кто онъ?

Вдругъ рѣзкій и тонкій свистокъ раздается совсѣмъ близко. «U-195» кладетъ «лѣво на бортъ» и рѣзко измѣняетъ свой курсъ.

Тотъ-же громкій свистокъ раздается еще разъ, потомъ онъ дѣлается все слабѣе и слабѣе. Судно уже удаляется отъ насъ.

«U-195» продолжаетъ идти малымъ ходомъ на остъ. Черезъ полъ-часа туманъ начинаетъ разсѣиваться, небо становится свѣтлѣе, можно видѣть на нѣсколько сотъ метровъ вокругъ. Но радость наша не продолжительна: только-что командиръ собрался дать полный ходъ, какъ лодка опять входитъ въ густыя облака тумана, и туманъ дѣлается еще гуще, чѣмъ былъ раньше. Такъ продолжается нѣсколько часовъ.

Туманъ проникаетъ сквозь одежду, и намъ, несмотря на одѣтые на насъ шерсть и кожу, становится холодно.

— Нельзя сказать, чтобы было очень пріятно!—говоритъ командиръ вахтенному начальнику, который, напряженно вглядываясь въ сѣрую массу тумана, яростно стучитъ зубами.

— Да, я предпочитаю вчерашній штормъ, потому-что—кто ихъ знаетъ, кто тамъ бродитъ вокругъ насъ!

*

— Надо надѣяться, что добыча, на которую мы цѣлимся, не ускользнетъ изъ нашихъ рукъ!

Вдругъ, въ форштевень лодки раздается дегкій ударъ, и за нимъ—еще нѣсколько.

— Стопъ машина!

Лодка немедленно останавливается. Командиръ посылаетъ человѣка на бакъ, посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

Матросъ быстро пробирается по покрытой водой палубѣ на бакъ, къ форштевню, и исчезаетъ въ густомъ туманѣ. Его голосъ едва слышно доносится оттуда:

— Это—плавающее дерево, господинъ капитанъ-лейтенантъ; масса дерева!

— Какое дерево,—бревна?

— Нѣтъ, короткія доски! Ихъ проноситъ мимо. Я достану одну доску, чтобы вамъ показать.

Скоро онъ показывается изъ тумана, съ нѣсколькими досками въ рукахъ.

«U-195» даетъ ходъ и тихо идетъ дальше.

Плавающее дерево видно повсюду, куда только черезъ туманъ можетъ проникнуть взоръ; оно проносится мимо, со обоихъ бортовъ, то отдѣльными кусками, то по нѣсколько досокъ вмѣстѣ.

Это—признакъ, достаточно понятный подводникамъ. Послѣ минутнаго молчанія, вахтенный начальникъ говоритъ:

— Это остатки вчерашней жертвы, господинъ капитанъ-лейтенантъ.

— Нѣтъ, мой другъ,— отвѣчаетъ командиръ,— доски плаваютъ слишкомъ ужъ аккуратно связанныя вмѣстѣ; штормомъ ихъ разбросало-бы совсѣмъ иначе. Это дерево, вѣроятно, всего еще нѣсколько часовъ

тому назадъ спокойно покоилось въ трюмѣ парохода. Я думаю, что это можетъ быть только работа «U-196»!

— Вотъ было-бы хорошо намъ теперь встрѣтиться съ ней; она едва-ли можетъ быть очень далеко отъ насъ. Ахъ, если-бы только стало хоть немного яснѣе!

— Слушайте, вѣдь норвежцы знаютъ, что мы находимся здѣсь, и команда Short'а тоже должна знать, слѣдовательно—мы можемъ рискнуть вызвать ее по радіотелеграфу, малой мощностью. Телеграфистъ, дайте нѣсколько разъ позывные «U-196».

Телеграфистъ спѣшитъ къ аппарату и начинаетъ выстукивать: «U-196... U-196... U-196...»

Молчаніе. Проходитъ минута, другая, у аппарата со вниманіемъ прислушиваются, и, наконецъ,—получаютъ отвѣтъ. Выясняется, что обѣ лодки находятся въ нѣсколькихъ миляхъ другъ отъ друга. Возрастающая отчетливость пріема радіо доказываетъ, что лодки сближаются.

Туманъ медленно, но вѣрно, разъясняется; можно уже видѣть мили на три вокругъ.

— Вотъ она!

Черезъ нѣсколько минутъ лодки сближаются настолько, что можно переговариваться голосомъ; командиръ и команда привѣтствуютъ другъ друга. Море такъ спокойно, что можно держаться рядышкомъ.

Изъ нашихъ переговоровъ выясняется, что «U-196» въ этихъ водахъ находится на нѣсколько дней больше насъ, и что ея раіонъ дѣйствій простирается вдоль Мурманскаго берега, до самаго Бѣлаго моря. Ея жертвами была полдюжина пароходовъ, изъ которыхъ нѣсколько имѣло весьма цѣнный грузъ; послѣднимъ изъ нихъ былъ пароходъ съ лѣсомъ, потопленный около трехъ часовъ тому назадъ.

Но, въ продолженіе трехъ послѣднихъ дней, всякая дѣятельность была невозможна изъ за страшнаго шторма.

Командиръ «U-195» разсказалъ, что онъ уже у Нордкапа встрѣтилъ зиму.

Его коллега съ «U-196» отвѣтилъ, что пять дней тому назадъ онъ былъ у входа въ Бѣлое море, между Святымъ Носомъ и мысомъ Орлова, и тамъ, въ морѣ,— были видны отдѣльныя ледяныя поля. Когда задуетъ сѣверный вѣтеръ и начнутся холода, — ледоколамъ будетъ много работы! Чтобы не подвергать свою лодку опасности, онъ срочно пошелъ на вестъ.

Между прочимъ, онъ сообщилъ о томъ безотрадномъ впечатлѣніи, которое производитъ все Мурманское побережье; оно совершенно плоское, кое-гдѣ съ небольшими возвышенностями, и почти сплошь покрыто снѣгомъ. Весь берегъ кажется совершенно вымершимъ; маяки встрѣчаются лишь очень рѣдко. Однако, онъ примѣтилъ цѣлый рядъ заливовъ, могущихъ дать лодкамъ надежное убѣжище почти при всѣхъ вѣтрахъ, исключая, конечно, сѣвернаго.

Мы устраиваемъ небольшой военный совѣтъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ, основною цѣлью которыхъ должно быть достиженіе наилучшихъ результатовъ. Изъ обмѣна мнѣній выясняется, что неожиданное появленіе нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ въ раіонѣ исключительнаго хозяйничанья союзниковъ, уже возымѣло свое дѣйствіе. Раньше, бывало, только скроется на горизонтѣ одинъ пароходъ, какъ уже показывается дымъ другого; а теперь — совсѣмъ не то! Удивительно еще, какъ это сегодня было видно за одинъ день цѣлыхъ два парохода! О, если-бы не этотъ спасительный для нихъ туманъ,—ихъ, конечно, постигла-

бы участь парохода съ досками! Всѣ же другіе пароходы, вѣроятно, спрятались въ Александровскѣ.

— Александровскъ?—минута размышленія, блескъ въ глазахъ:

— Мы идемъ туда!!

Глава VII.

Александровскъ.

Туманъ совершенно разсѣялся, Ледовитый океанъ спокоенъ, видимость прекрасна; въ морѣ—ничего подозрительнаго не видно.

Чайки то тамъ, то здѣсь стремительно падаютъ въ море. Слѣва показывается черная голова, съ большими удивленными глазами; это морской левъ. Только на одинъ моментъ показывается его черное блестящее туловище и тотчасъ же исчезаетъ.

Небо совершенно чисто. По темно-синей поверхности моря бѣгутъ небольшія волны, съ бѣлыми гребешками; прелестная картина.

На большомъ разстояніи, внѣ видимости другъ друга, но такъ, что каждый проходящій между ними пароходъ долженъ быть замѣченъ, слѣдуютъ лодки на остъ. Западный вѣтеръ гонитъ передъ ними бѣлый дымокъ.

Наступаютъ сумерки; вода быстро темнѣетъ.

Команда вся свободна, кромѣ вахтенныхъ у моторовъ и другихъ постовъ; только въ небольшой мастерской, у станка, подъ наблюденіемъ инженеръ-механика, работаетъ машинистъ; онъ чинитъ сломанный вентиль.

Неустанно гудятъ вентиляторы, вгоняя въ лодку свѣжій воздухъ, распредѣляя его и выкачивая негодный.

Благодушествующая команда расположилась въ своемъ помѣщеніи, сильно стѣсненномъ хранящимися

тамъ запасными частями. Общій любимецъ, граммофонъ,—воспроизводитъ одну пластинку за другой; но ихъ безконечное множество: «U-195» имѣетъ на своемъ борту особаго любителя граммофона,—Петерсона, всегда доставляющаго на лодку самыя послѣднія новости. Одна пѣсня звучитъ за другой; между ними, для разнообразія, пускаются старые прусскіе воинственные марши, съ барабаннымъ боемъ и боевыми сигналами.

Петерсонъ только-что положилъ новую пластинку, началъ вертѣть ручку граммофона,—и вдругъ остановился, ощутивъ распространявшійся по лодкѣ чрезвычайно пріятный запахъ. Всѣ восемь носовъ обычныхъ слушателей граммофона,—точно по командѣ,—разомъ поворачиваются по направленію къ камбузу...

Нашъ кокъ стоитъ очень высоко въ мнѣніи команды и офицеровъ, и этого онъ вполнѣ заслуживаетъ, такъ какъ до войны онъ былъ правой рукой главнаго повара въ одномъ изъ самыхъ большихъ отелей Берлина. Но за нимъ числится одинъ весьма крупный недостатокъ: онъ терпѣть не можетъ, чтобы кто-нибудь заглядывалъ въ его горшки. Многіе изъ команды, пытавшіеся удовлетворить свое любопытство, не разъ жестоко страдали, ощущая на себѣ нѣжное прикосновеніе разныхъ тяжелыхъ предметовъ кухоннаго инвентаря.

Однако, кто-же будетъ спорить съ тѣмъ, что положительно невозможно долгое время оставаться въ полномъ невѣдѣніи...

На этотъ разъ, нашъ наскоро собранный военный совѣтъ рѣшилъ послать на развѣдку матроса Ендрулейна. Съ самымъ невиннымъ видомъ, отправляется онъ въ свою рискованную экспедицію; на высотѣ электри-

ческой плиты онъ подвергаетъ себя не малой опасности, но — все обходится благополучно. Онъ возвращается съ побѣдоноснымъ видомъ и возвѣщаетъ:

— Горохъ съ ветчиной!

...вскорѣ начинается раздача пищи.

Сообщеніе это всѣми принимается съ восторгомъ.

Вскорѣ начинается раздача пищи; наши обычныя порціи настолько велики, что каждый болѣе чѣмъ сытъ, и послѣ такого обѣда, съ чувствомъ полнаго удовлетворенія приступаетъ къ исполненію своихъ обязанностей, предъявляющихъ къ каждому изъ насъ столь большія индивидуальныя требованія.

Еще нѣсколько времени продолжается болтовня, а потомъ всѣ, одинъ за другимъ, расходятся по своимъ койкамъ.

Попрежнему стучатъ моторы и однообразно гудятъ вентиляторы.

На востокѣ занимается день; свѣтаетъ. Справа показывается берегъ—Оленьи острова, а сзади нихъ—Екатерининскій островъ; это входъ въ Кольскую губу, въ глубинѣ которой лежитъ Александровскъ. Небольшой пароходъ, идущій съ веста, огибаетъ острова и входитъ въ бухту. Надо быть очень осторожными, такъ какъ неизвѣстно, что находится тамъ, за островами: тамъ могутъ быть крейсера, истребители, или какіе-нибудь другіе, опасные для подводной лодки, корабли; можетъ-быть, русскіе поставили тамъ даже пару пушекъ, несмотря на большой ихъ расходъ на фронтѣ.

Въ заходящемъ солнцѣ острова и скалы кажутся темно-красными. На одномъ холмѣ, вмѣсто входного знака, стоитъ крестъ, на другомъ—бѣлый маякъ, подъ крышей очень страннаго вида, а рядомъ съ нимъ—бѣлый деревянный домъ. Нѣтъ ничего, внушающаго опасеніе,—и лодка направляется ко входу.

Ни малѣйшаго признака жизни, если не считать милліона морскихъ птицъ, вьющихъ на островахъ свои

гнѣзда. Все кажется погребеннымъ подъ свѣжнымъ покровомъ.

Впереди открывается дымъ; еще нельзя разобрать,—съ берега онъ, или съ корабля, стоящаго на якорѣ. Наши орудія давно уже изготовлены къ стрѣльбѣ, и могутъ въ любой моментъ послать свой первый стальной гостинецъ.

«U-195» медленно идетъ вверхъ по теченію рѣки Толомы. Бакана и мигалки—съ обѣихъ сторонъ фарвартера.

За выдающимся далеко впередъ мысомъ лежитъ гавань, въ которой стоятъ корабли; въ городѣ, который расположенъ въ долинѣ, идущей вглубь страны, видны большія зданія. Съ помощью бинокля, можно разсмотрѣть длинную каменную набережную, пристань, нѣсколько складовъ. Локомотивъ, ярко выдѣляющійся на снѣгу, съ нѣсколькими товарными вагонами идетъ изъ гавани къ городу. Отчетливо видны новыя строенія таможни, станція безпроволочнаго телеграфа и другія только-что построенныя зданія. Нѣсколько пароходовъ стоятъ на якорѣ; можно хорошо различить ихъ флаги: почти все русскіе, бѣло-сине-красные, или англійскіе. Городъ и гавань, повидимому, не чувствуютъ никакого безпокойства; буксиръ и паромы, снующіе повсюду, оживляютъ панораму.

Первый нашъ выстрѣлъ гулко разносится далеко по водѣ; холмы отдаютъ его раскатистымъ эхо. Второй и третій выстрѣлы—слѣдуютъ одинъ за другимъ. Гранаты летятъ въ станцію радіотелеграфа и тамъ взрываются; видны вспышки ихъ разрыва, потомъ темный дымъ, наконецъ—выбрасывается пламя и, черезъ нѣсколько минутъ,—пожаръ въ полномъ разгарѣ. Слѣдующій выстрѣлъ попадаетъ въ башню, поддерживающую сѣть; она понемногу склоняется и, послѣ

третьяго выстрѣла,—рушится. Бакштаги, антена, балюстрада—все обращается въ одну груду обломковъ.

Радіостанція совсѣмъ сгорѣла; та-же участь постигла и расположенную рядомъ съ нею таможню.

Послѣ первыхъ-же выстрѣловъ локомотивъ бросилъ свои вагоны и скрылся за постройками.

Принципъ внезапности былъ нами вполнѣ соблюденъ.

Теперь очередь за гаванью. Подъ огнемъ нашихъ орудій оказались оба «англичанина». Палуба и корпусъ ихъ при первыхъ-же выстрѣлахъ получили тяжелыя поврежденія. Видно, какъ команда, сломя голову, бросается къ шлюпкамъ, спасаясь на берегъ.

Вдругъ, въ глубинѣ гавани показывается густой дымъ и начинаетъ приближаться къ намъ съ невѣроятной быстротой; видно нѣсколько рядомъ стоящихъ трубъ, и низкій корпусъ.

— Истребители!..

Стрѣльба наша немедленно прекращается. Лодка разворачивается и идетъ полнымъ ходомъ въ море.

За нами мчатся два русскихъ истребителя и одинъ англійскій... Но, слишкомъ поздно: «U-195» уже успѣла погрузиться на безопасную глубину и быстро удаляется въ море...

Слѣдующій день проходитъ безъ особыхъ приключеній. На лодкѣ царитъ радостное настроеніе, по случаю вчерашняго столь удачнаго нападенія на военный портъ, съ результатами котораго русскіе не такъ-то быстро справятся!

Повторенія столь дерзкаго набѣга они ужъ никакъ не могутъ ожидать, а потому,—ровно черезъ два дня,—надъ городомъ опять свистятъ нѣмецкія гранаты, неся съ собою смерть и разрушеніе...

На этотъ разъ — густой дымъ окутываетъ портовые склады; надъ ними занимается громадное пламя, которое долго освѣщаетъ путь уходящей въ море подводной лодкѣ...

Глава VIII.

Богатая добыча.

Послѣ обстрѣла Александровска, «U-195» уходитъ обратно на западъ, чтобѣ возобновить свою дѣятельность на главномъ морскомъ пути.

Море, взволнованное сильнымъ западнымъ вѣтромъ, снова бьется въ борта лодки; снова носъ лодки разрѣзаетъ мощныя волны, которыя перекатываются черезъ палубу и разбиваются о рубку.

Вѣтеръ крѣпчаетъ. Волны дѣлаются все выше и выше; бѣлыя брызги ихъ, срываемыя вѣтромъ, начинаютъ непрерывно бить въ лицо. Лодка то-и-дѣло тяжело ныряетъ и волны съ глухимъ гуломъ бросаются на бакъ; на нѣсколько секундъ онъ исчезаетъ въ свѣтло-зеленой водѣ. Потомъ лодка опять выпрямляется, вся дрожитъ, и вода съ ея палубы стекаетъ шумными потоками по корпусу бортовыхъ систернъ въ море...

На рубкѣ всѣ промокли. Всѣ люки, во избѣжаніе попаданія воды въ лодку, задраены. Погода стала портиться еще съ ранняго утра, и не видно никакихъ признаковъ ея улучшенія. Внутри лодки служба страшно тяжела. Воздухъ—спертый, дышать очень трудно; кажется, что легкія наполнены не воздухомъ, а жидкимъ масломъ. Платье, руки, даже лицо,—все промаслено. Вниманіе ни на одну минуту не должно

быть ослаблено; требуется безконечная осторожность, чтобы на что нибудь не наткнуться. Люди очень быстро утомляются; даже въ свободное отъ вахты время нельзя отдохнуть, такъ какъ лежать въ койкѣ совершенно невозможно.

Вообще, словами совершенно невозможно описать, какъ тяжела въ свѣжую погоду служба на такой, сравнительно, маленькой подводной лодкѣ, какъ наша.

А тутъ еще — какъ будто всѣ силы природы соединились противъ насъ, и стремятся уничтожить зашедшій въ чужія воды вражескій корабль! Снѣгъ и градъ, штормъ, зыбь, туманы... Но, ничто не въ состояніи сломить бодрость духа команды.

Счастье еще, что не всегда такая погода и что, по крайней мѣрѣ, хоть видимость то сегодня хорошая!

Далеко слѣва лежитъ берегъ; до него почти двадцать шесть миль; плаваніе въ навигаціонномъ отношеніи безопасно, можно опасаться только теченія, такъ какъ оно можетъ повліять на курсъ лодки совершенно неизвѣстнымъ образомъ.

Вскорѣ послѣ полдня штормъ стихаетъ, барометръ поднимается и—счастливая особенность этихъ мѣстъ,— вѣтеръ ослабѣваетъ такъ-же внезапно, какъ внезапно онъ и засвѣжѣлъ.

Время-отъ-времени волна набѣгаетъ на палубу, но лодка уже идетъ спокойно; волненіе тоже быстро улегается.

Для пробы открываютъ средній люкъ; командиръ подходитъ къ нему съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и спрашиваетъ:

— Все-ли хорошо внизу?

Черезъ полъ-минуты ему докладываютъ, что «все въ порядкѣ».

Командиръ двѣнадцать часовъ подрядъ не сходилъ съ мостика. Но вотъ, когда онъ, наконецъ, собрался спуститься внизъ, чтобы смѣнить на себѣ мокрую одежду и отдохнуть, и голова его уже скрывалась въ отверстіи люка, вахтенный начальникъ взволнованнымъ голосомъ попросилъ его обратно.

Точно по волшебству, на горизонтѣ, прямо по курсу лодки, появился большой корабль. Разстояніе—5—6 миль. Прямыя вертикальныя мачты, нѣсколько лебедокъ, короткая труба съ немногими постройками вокругъ нея,—настоящій грузовикъ. Онъ идетъ на остъ, навѣрное въ Архангельскъ.

Пароходъ глубоко сидитъ и имѣетъ ходъ узловъ около десяти; національности его пока еще нельзя опредѣлить.

«U-195» даетъ полный ходъ и идетъ ему на пересѣчку курса. Съ парохода еще не замѣтили подводной лодки, и онъ продолжаетъ идти въ томъ-же направленіи. Въ трехъ миляхъ отъ парохода «U-195» останавливается, на ея мачтѣ взвиваются три сигнальныхъ флага и, вмѣстѣ съ ними, раздается предупредительный выстрѣлъ.

Капитанъ парохода сразу понимаетъ въ чемъ дѣло. Минуты черезъ двѣ его корабль стопоритъ машину, останавливается, и начинаетъ медленно качаться на зыби; съ подвѣтренной его стороны спускается шестивесельная шлюпка и за бортъ выкидывается штормъ-трапъ; по нему въ шлюпку спускается первый штурманъ, съ судовыми бумагами.

Новый сигналъ: «показать свой флагъ!».

Видно, какъ на пароходѣ кто-то бѣжитъ на ютъ, къ флагштоку, и черезъ минуту,—къ радости подводниковъ,—на немъ поднимается англійскій флагъ.

Шлюпка, танцуя на волненіи, медленно выгребаетъ къ лодкѣ. Судя по греблѣ на шлюпкѣ, команда парохода—не моряки; только ловкость штурмана спасаетъ шлюпку отъ переворачиванія ея волной. Проходитъ еще добрыхъ полъ-часа, пока шлюпка, съ насквозь промокшими людьми, подходитъ къ борту.

Пароходъ — «*Асторія*», принадлежитъ «Риверъ-Шипингъ-Компаніи» въ Лондонѣ, 4262 регистровыхъ тоннъ, и идетъ изъ Нью-Іорка въ Архангельскъ. Грузъ, который онъ везетъ изъ Америки, состоитъ изъ аммуниціи, взрывчатыхъ веществъ и разнаго рода военнаго матеріала; пароходъ нагруженъ донельзя, и имѣетъ около 5000 тоннъ груза.

Подводная лодка, съ шлюпкой на буксирѣ, подходитъ близко къ пароходу; можно переговариваться голосомъ. Изготовленныя къ бою орудія и лежащія около нихъ кучи снарядовъ, краснорѣчиво показываютъ командѣ парохода, что дѣло обстоитъ очень серьезно; но, никто и не думаетъ сопротивляться.

— Оставить судно въ теченіе 20 минутъ!—звучитъ голосъ вахтеннаго начальника.

Капитанъ парохода, уже по одной физіономіи своего штурмана понявшій въ чемъ дѣло, поднимаетъ свою руку:—«я понялъ!» На пароходѣ раздается команда, начинается бѣготня, а минутъ десять спустя—люди спускаются со своими вещами въ шлюпки. На пароходъ съ лодки отправляется подрывная партія, которая открываетъ на немъ кингстоны. Но «*Асторія*» такъ легко не сдается: сначала она садится глубже и какъ-будто начинаетъ крениться на правый бокъ, но затѣмъ—снова выпрямляется; корабль точно сопротивляется.

Однако, «U-195» не можетъ слишкомъ долго задерживаться у своей жертвы; она беретъ шлюпки на буксиръ и, отойдя на нѣкоторое разстояніе, открываетъ

...Корабль садится кормою въ воду и медленно исчезаетъ подъ водой.

по кормѣ парохода артиллерійскій огонь. Одинъ изъ первыхъ-же снарядовъ дѣлаетъ въ его борту пробоину, надъ самой его ватерлиніей, куда большими потоками устремляется вода. Корабль чрезвычайно быстро садится кормою въ воду, по его палубѣ съ глухимъ гуломъ начинаетъ перекатываться грузъ, послѣ чего онъ медленно исчезаетъ подъ водой.

Въ морѣ ничего не видно. Шлюпки грузовика слѣдуютъ одна за другой, на буксирѣ, и «U-195» медленно ведетъ ихъ къ берегу.

Когда показывается берегы, буксиры отдаются и шлюпки предоставляются самимъ себѣ.

Въ этотъ день ничего особеннаго больше не произошло.

Но только что прошла ночь, какъ съ первыми-же лучами восходящаго солнца показался еще одинъ большой пароходъ—«*Іола*», изъ Ливерпуля, восемнадцатилѣтнее судно, водоизмѣщеніемъ 3533 регистровыхъ тоннъ. Все происходитъ почти такъ-же, какъ и вчера: съ парохода привозятъ на лодку бумаги, команда садится въ шлюпки, пароходъ пускается ко дну.

Видимо, капитану «*Іолы*» было очень тяжело разставаться со своимъ старымъ кораблемъ, на которомъ онъ много лѣтъ плавалъ; онъ долго не отводилъ глазъ отъ тонущаго корабля.

На этотъ разъ мы всю команду парохода взяли на лодку и высадили ее только придя въ Варде.

На вестѣ—опять дымъ. Черезъ часъ «U-195» снова преграждаетъ дорогу приближающемуся къ ней пароходу. Обыкновенный грузовикъ; внѣшность его сразу обнаруживаетъ его профессію—угольщикъ. Онъ плохо выкрашенъ, вездѣ видны ржавыя пятна, подъ мусорными

рукавами къ водѣ спускаются длинныя ржавыя полосы; палуба его такая-же грязная, какъ и борта; на небольшомъ спардекѣ, который былъ когда-то выкрашенъ въ бѣлый цвѣтъ, вся краска совсѣмъ облѣзла; общество, повидимому, не имѣетъ денегъ, чтобы привести свой пароходъ въ приличный видъ!

Это—пароходъ «*Кардифъ*», идетъ въ Архангельскъ съ 3,500 тоннами угля.

Вотъ, еще случай увеличить нужду угля въ Россіи!

И здѣсь повторяется то-же самое. Команда садится въ шлюпки и гребетъ къ борту; кого тутъ только нѣтъ: негры, индѣйцы, малайцы,—всѣ расы и цвѣта. И всѣ они обладаютъ одинаковымъ качествомъ—грязны и неопрятны; ихъ скудныя пожитки указываютъ на то, что бо́льшую часть своего достоянія они носятъ на себѣ.

Команда сходитъ на берегъ въ Гонингсваагѣ.

Не успѣли мы покончить съ этимъ пароходомъ, какъ сигнальщикъ уже докладываетъ о томъ, что виденъ еще дымъ. Оказывается, что къ намъ идетъ еще одинъ пароходъ изъ Кардифа, грязнѣе перваго, если только это возможно себѣ представить; грузъ—тоже уголь. Это—«*Гардене*», принадлежащій обществу «С. А. Стюартъ и К°», водоизмѣщеніемъ 1633 тонны, построенный чутъ ли не тридцать пять лѣтъ тому назадъ, что замѣчается еще издалека.

И этотъ корабль точно такъ-же скоро слѣдуетъ за своими товарищами—на дно Ледовитаго океана...

Если капитаны «*Асторіи*» и «*Іолы*» возбуждали къ себѣ нѣкоторое сочувствіе своимъ трогательнымъ отношеніемъ къ ихъ кораблямъ, то капитанъ «*Гардене*» наоборотъ—возбуждалъ только смѣхъ: онъ нисколько даже и не пытался скрыть того, что искренно былъ радъ раздѣлаться со своею старою калошей. Если-бъ

не нехватка тоннажа въ Англіи, то,—какъ говорилъ онъ,—его никогда не послали-бы въ такое опасное предпріятіе!

Капитанъ и 22 матроса были отпущены на двухъ шлюпкахъ на свободу и пошли подъ веслами къ Берлеваге. Команда шлюпокъ не имѣла никакого

представленія о томъ, какъ обращаться съ веслами; это—еще одно лишнее доказательство несостоятельности англійскаго заявленія о томъ, что моряковъ хватаетъ на всѣ коммерческіе корабли.

Въ этотъ день «U-195» больше кораблей не встрѣчала; операціямъ лодки, кромѣ того, мѣшалъ легкій туманъ. Но на слѣдующее утро — былъ встрѣченъ пароходъ «*Иванхое*», водоизмѣщеніемъ 2282 тонны, изъ Глазго, принадлежащій Франко-Британской компаніи. Этотъ пароходъ присоединился къ длинному списку жертвъ нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ.

Капитанъ его разсказывалъ, что онъ пришелъ въ неописуемое изумленіе, когда подводная лодка приказала ему остановиться. За послѣдніе дни онъ часто получалъ запросы по радіотелеграфу отъ англійскихъ крейсеровъ и сторожевыхъ судовъ—не видѣлъ ли онъ нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ. Онъ смотрѣлъ на эти запросы, какъ на смѣшную трусость, и не могъ понять,—зачѣмъ его безпокоятъ такими пустяками.

...и этотъ пароходъ присоединился къ длинному списку жертвъ нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ.

Вѣтеръ свѣжѣетъ; съ NW идетъ крупная волна.

Нашъ командиръ, не желая бросать на произволъ судьбы шлюпокъ съ капитаномъ парохода и 22 людьми экипажа, такъ какъ они совершенно не умѣютъ обращаться съ веслами, приказалъ взять ихъ на буксиръ, и лодка идетъ снова къ Варде. Волны сильно бросаютъ шлюпки, и буксиры ихъ едва выдерживаютъ; одна за другой волны обкатываютъ ихъ, пока, наконецъ, лодка не входитъ въ болѣе спокойныя воды.

Берегъ въ виду. Надъ городомъ Варде, повидимому при входѣ въ Варангерфіордъ, возвышается небольшой фортъ.

Лодка буксируетъ шлюпки до гавани, и только тамъ отпускаетъ ихъ на свободу.

Глава IX.

«Быстрица».

8 ч. 00 м.—Вѣтеръ WNW, отъ 8 до 9 балловъ, снѣгъ, большое волненіе. Барометръ—742 м/м.

10 ч. 00 м.—Вѣтеръ NW постоянной силы въ 4 балла, ясно.

10 ч. 30 м.—Справа открылся пароходъ, идущій на W; остановленъ по сигналу; пароходъ—«*Іола*», 3533 т., изъ Ливерпуля въ Архангельскъ. Военные матеріалы. Потопленъ, команда спасена въ шлюпкахъ.

12 ч. 25 м.—Дымъ на W. Пароходъ «*Кардифъ*», 2808 тоннъ, изъ Кардифа въ Архангельскъ. Послѣ выстрѣла и по сигналу остановился. Пароходъ потопленъ, а его»...

— Господинъ капиталъ-лейтенантъ, вахтенный начальникъ передаетъ, что наверху — сѣверное сіяніе, очень ужъ красивое!

— Передайте, что я сейчасъ приду! Кажется, трудно будетъ окончить журналъ, несмотря на всю его лаконичность.

Писать журналъ только и можно, когда позволяетъ погода и есть свободная минута...

Писаніе наскоро заканчивается и вахтенный журналъ кладется на полку. Командиръ застегиваетъ дождевикъ, надѣваетъ зюйдвестку и выскакиваетъ на мостикъ.

Надъ Ледовитымъ океаномъ такая ночь, какую «U-195» еще и не видывала.

Море совершенно спокойно, лодка мягко скользитъ впередъ; не замѣтно ни малѣйшей качки. Уже съ четверть часа на N замѣтно сіяніе, точно поднимающееся изъ воды, которое съ каждой минутой становилось все ярче и ярче, росло все выше и выше, и, наконецъ,—какъ солнце засіяло пучками яркихъ лучей.

Наша команда наблюдала сѣверное сіяніе уже нѣсколько разъ, но ни разу оно не было такъ красиво. Лучи его окрашены во всѣ цвѣта радуги, отъ свѣтло-зеленаго до темно-синяго; желтый цвѣтъ,—начиная съ самаго свѣтлаго,—доходитъ до пурпурно-краснаго. Сіяніе свѣтитъ не менѣе ярко, чѣмъ луна въ полнолуніе. Будучи въ постоянномъ движеніи, цвѣта его непрерывно мѣняются и волнуются, то соединяясь вмѣстѣ, то пересѣкая другъ друга—настоящая оргія красокъ, мѣняющихся съ такой быстротой, что глазъ едва успѣваетъ слѣдить за ними.

Всѣ наверху. Морозъ не чувствуется. Эта дивная ночь вознаграждаетъ за многіе тяжелые дни. Даже нашъ усердный оберъ-машинистъ, который вѣчно сидитъ внизу и,—какъ про него говорятъ, — даже спитъ около своихъ моторовъ, чтобы имѣть за ними постоянное наблюденіе,—и тотъ нѣсколько разъ высовываетъ въ люкъ свою голову.

Около одиннадцати часовъ ночи краски блекнутъ, сіяніе становится блѣднымъ и скоро совсѣмъ исчезаетъ.

Вмѣсто игры красокъ, превращавшихъ небо въ море пламени, наступаетъ ночь, кажущаяся, благодаря этому, вдвое темнѣе.

Совершенно внезапно, безъ всякихъ предварительныхъ признаковъ, барометръ быстро начинаетъ падать, а черезъ четверть часа уже появляются первые порывы западнаго вѣтра.

Свѣжѣетъ; погода быстро портится.

Море, часъ тому назадъ спокойно отдыхавшее, начинаетъ снова кипятиться, и на гребняхъ его волнъ появляются бѣлые барашки. Снова волны окатываютъ носъ и корму лодки, бьются въ борта, а пѣна брызжетъ на рубку. Звѣзды, свѣтившія нѣкоторое время послѣ сѣвернаго сіянія, меркнутъ; становится темно и мрачно вокругъ. Люди, сидѣвшіе на палубѣ, прячутся внизъ; всѣ люки задраены. Опять начинается качка и неизбѣжные при ней перебои машины, дѣлающіе пребываніе внутри лодки весьма непріятнымъ.

А наверху—снова всѣ мокры съ головы до ногъ, и соленая вода снова немилосердно жжетъ пытливо всматривающіеся въ темноту глаза сигнальщиковъ.

«U-195» находится къ осту отъ Нордкапа, въ разстояніи около 70 миль отъ мыса Нордкина. Нѣкоторое время лодка идетъ по главному пути торговыхъ пароходовъ, противъ волны, потомъ—поворачиваетъ на югъ и идетъ зигзагами, пересѣкая нѣсколько разъ фарватеръ. Ничего не видно.

Время передъ полночью; люди, становящіеся послѣ полночи на вахту, уже начали одѣваться. Вдругъ звучитъ голосъ вахтеннаго:

— Огонь прямо по носу!

...мы начинаемъ обстрѣливать пароходъ.

Сейчасъ-же слышится команда:

— Орудія изготовить! Приготовиться къ погруженію!

Приказанія исполняются съ величайшей поспѣшностью. Не легко работать въ такую погоду, особенно—по приготовленію орудій; палуба непрестанно заливается водой; люди не могутъ удерживаться на ней, и привязываютъ себя къ орудіямъ.

Впереди, приблизительно въ 18 миляхъ, открылся бѣлый штаговый огонь; скоро становится виденъ и правый, зеленый огонь.

За это время «U-195» уже дала полный ходъ, въ расчетѣ выйти на курсъ парохода.

Судя по огнямъ, это—коммерческое судно, такъ какъ военное судно шло-бы, конечно, безъ огней; но это можетъ быть также и вооруженный пароходъ, который, чтобы заманить къ себѣ подводную лодку, нарочно идетъ съ огнями, а потомъ—неожиданно откроетъ стрѣльбу.

Когда пароходъ уже всего въ одной милѣ, лодка даетъ первый выстрѣлъ.

Чужеземецъ кажется глухимъ. Цѣлыхъ двѣ минуты онъ продолжаетъ идти своимъ курсомъ, и только потомъ замедляетъ ходъ и останавливается; онъ еще не знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и, можетъ быть,—думаетъ, что услышанный имъ выстрѣлъ былъ сдѣланъ кѣмъ нибудь «своимъ», такъ какъ едва-ли онъ допускаетъ мысль о возможности встрѣчи съ врагомъ въ этихъ пустынныхъ водахъ.

Запросъ «U-195» относительно позывныхъ, флага и порта приписки—остается безъ отвѣта.

Пароходъ стоитъ на мѣстѣ, качаясь на зыби, и дѣлаетъ видъ, что наши вопросы его совершенно не касаются.

Сигнальщикъ еще разъ повторяетъ,—и опять никакого отвѣта. Тогда раздается нашъ новый выстрѣлъ и поднимается сигналъ: «Прислать немедленно офицера съ судовыми документами!»

Только теперь на пароходѣ начинаютъ, видимо, достаточно ясно понимать, что дальнѣйшее промедленіе можетъ имѣть для его обитателей не совсѣмъ пріятныя послѣдствія. Онъ отвѣчаетъ на сигналъ. Но передаетъ онъ свой отвѣтъ очень медленно, точно совсѣмъ не знакомъ съ буквами алфавита; съ большими промежутками, что иногда дѣлаетъ сигнализируемое совершенно непонятнымъ,—слѣдуютъ одна за другой буквы:

«Б...ы...с...т...р...и...ц...а... Б ..р...а...и...л...а...»

Мы начинаемъ перелистывать регистръ торговыхъ судовъ, но напрасно. Сначала удивленіе, а потомъ—общій смѣхъ:

— «*Быстрица*» изъ «Браилы»—значитъ румынскій корабль!

— Такъ вотъ оно что,—«румынъ!» Это, кстати говоря,—очень рѣдкая птица. Мы не могли и мечтать, что намъ попадутся представители этихъ разбойниковъ,—говоритъ командиръ вахтенному начальнику.

Это былъ первый случай, что экипажъ нѣмецкой подводной лодки имѣлъ дѣло съ румынскимъ кораблемъ.

«Румынъ» сталъ спускать шлюпку. Но команда его съ ней умѣла обращаться не менѣе ловко, чѣмъ и сигнализировать; проходитъ очень много времени, пока команда садится на свои мѣста и пока шлюпки спускаются; слышны крики на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Наконецъ, много времени спустя, шлюпка въ темнотѣ приближается къ намъ.

Наводчикъ у нашего орудія за все это время ни на одну секунду не выпускалъ корабля изъ виду,

готовый, при малѣйшемъ подозрѣніи, пустить въ его бортъ гранату; но, все обходится мирно и благополучно.

Со шлюпки прыгаетъ на палубу лодки человѣкъ и передаетъ бумаги. Пароходъ—«*Быстрица*», 3688 тоннъ, построенъ въ 1915 году въ Сандерландѣ у Пристмана; владѣлецъ—«Первое Національное Румынское Общество Навигаціи въ Браилѣ»; идетъ изъ Бреста въ Архангельскъ, съ аммуниціей для румынской арміи.

Выраженіе лица нашего командира, перелистывающаго бумаги, становится все довольнѣе и довольнѣе: гранаты, еще гранаты, патроны, оружіе, бомбы, мортиры...—тутъ нечего и думать!..

Сигнальщикъ передаетъ на «*Быстрицу*»:

— Ваше судно будетъ потоплено; немедленно садитесь въ шлюпки!

Въ то-же время, «U-195» подходитъ къ пароходу на разстояніе голосовой передачи и располагается такимъ образомъ, что можно видѣть все, что происходитъ на пароходѣ.

Румыны, видимо, поставлены въ тупикъ совершенно для нихъ незнакомымъ положеніемъ. Капитанъ парохода, вѣроятно, все еще не можетъ освоиться съ мыслью, что его корабль,— самый новый изъ всѣхъ, какими владѣетъ Румынія, гордость его народа,— будетъ потопленъ. Но, понемногу, онъ проникается сознаніемъ неизбѣжнаго; онъ дѣлаетъ какіе-то распоряженія, и команда, стоявшая въ кучѣ на палубѣ, на нѣкоторое время исчезаетъ внутри корабля, потомъ снова появляется и лѣзетъ въ шлюпки. Все происходитъ безъ всякаго порядка, одинъ валится на другого, всѣ шумятъ, такъ какъ каждый хочетъ быть первымъ, изъ боязни, что пароходъ потопятъ вмѣстѣ съ нимъ. Наконецъ, всѣ шлюпки отваливаютъ и, тщетно борясь съ волнами, идутъ по направленію къ лодкѣ.

Вотъ шлюпки, одна за другой, подходятъ къ борту лодки. Надо еще удивляться, какъ, при такомъ умѣніи управляться, ни одна изъ нихъ не перевернулась!

...команда бросилась къ шлюпкамъ.

Но теперь передъ нами встаетъ весьма серьезный вопросъ: Какъ быть намъ съ этими людьми?—Въ шлюпкахъ ихъ оставлять совершенно невозможно; но и брать на лодку эту, весьма непрезентабельно выглядывающую, «милую компанію», состоящую изъ румынъ, валаховъ и другихъ жителей побережья Чернаго моря,—также весьма нежелательно.

Дрожа отъ холода и отряхиваясь отъ воды, одинъ за другимъ взбираются они на лодку, и тотчасъ-же черезъ центральный люкъ спускаются внизъ. Типичные представители своей расы: невзрачные, съ кожей зеленовато-оливковаго цвѣта, такъ что трудно разобрать—натуральный-ли это цвѣтъ, или-же происходящій отъ... экономіи мыла. Въ лодкѣ всѣ эти двадцать шесть человѣкъ сбиваются въ тѣсную кучу, какъ стадо барановъ. Нѣсколько человѣкъ, отличающихся своею внѣшностью отъ другихъ, оказываются штурманами и механиками.

Воздухъ внутри лодки совсѣмъ неважный, такъ какъ всѣ люки продолжительное время были задраены. Но къ обычному запаху масла, чувствуется еще какое-то особенное прибавленіе. Это — запахъ стараго промокшаго платья нашихъ «пассажировъ», который, въ соединеніи съ масляным, даетъ отвратительную смѣсь.

Съ чистотою румыны считаются не больше, чѣмъ съ внѣшнимъ видомъ своей одежды, о которой, впрочемъ, имѣютъ понятіе весьма своеобразное. У одного — ободранные брюки, которые едва достигаютъ колѣнъ, но зато — блеститъ нѣсколько разъ обернутый вокругъ таліи, ярко-красный кушакъ; другой, очевидно не имѣющій рубашки, имѣетъ вмѣсто нея гороховый галстухъ.

Всѣ, кому не надо быть съ чужеземной ватагой, стараются держаться подальше отъ нея. Это — наши новые враги!..

Шлюпки уже давно унесены моремъ въ темноту.

«*Быстрица*» тонетъ. Первая граната пробиваетъ ея бортъ и взрывается внутри парохода; потомъ слѣдуетъ вторая, третья, четвертая. Вспыхиваетъ красный огонекъ. Черные клубы дыма, видимые даже несмотря на темноту ночи, подымаются къ небу. Нѣсколько минутъ спустя, вода вливается въ «*Быстрицу*», и она медленно ложится на бокъ.

Въ этотъ моментъ капитанъ «Быстрицы» выскакиваетъ наверхъ. Онъ простираетъ свои руки къ тонущему пароходу и изъ его устъ съ необычайною поспѣшностью вырываются тысячи непонятныхъ словъ...

Мы съ недоумѣніемъ наблюдаемъ за нимъ, и съ трудомъ начинаемъ понимать, что ему нужно:

— Мои деньги... мои деньги...

Оказывается, что, въ суматохѣ, изъ-за опасенія за свою драгоцѣнную жизнь, онъ совершенно забылъ, что оставилъ на кораблѣ болѣе 10,000 лей...

— Я долженъ вернуться на судно!

Онъ хочетъ броситься туда, на свой пароходъ, чтобы привезти оттуда свои деньги. Но уже слишкомъ поздно: «*Быстрица*» на его глазахъ исчезаетъ подъ водой. Вмѣстѣ съ ней идутъ на дно военные матеріалы, болѣе чѣмъ на 25 милліоновъ марокъ.

Судя по бумагамъ «*Быстрицы*», она везла въ Архангельскъ 125.000 шт. 75 м/м. гранатъ, съ трубками, 42.000 шт. 75 м/м. картечи, 14.001.000 пулеметныхъ патроновъ, 200.000 шт. 37 м/м. гранатъ, 300 стальныхъ бомбъ 3.600 шт. 120 м/м. гранатъ, 1.576.000 пулеметныхъ патроновъ, 60.000 стальныхъ шлемовъ, 10.000 ружей, 100 скорострѣлокъ Гочкиса, 20 шт. 58 м/м. мортиръ, 28 малыхъ и 38 большихъ автомобилей, 22 грузовика, 5 перевязочныхъ и 7 санитарныхъ автомобилей, 2 аэроплана, 5 привязныхъ шаровъ, 883 тонны стали, 29 тоннъ никкеля, 62 тонны динамо-машинъ, и т. д..

«U-195» везетъ команду парохода къ Сіотерфіорду.

Счастье, что мы скоро можемъ освободиться отъ нашего «милаго» общества — мы увидѣли небольшой русскій парусникъ, крейсерующій около берега, и приказали ему остановиться.

Ничуть не скрывая своего явнаго неудовольствія, грузитъ онъ нашихъ пассажировъ и идетъ въ Варде, чтобы высадить ихъ на берегъ,— и тѣмъ еще болѣе увеличить собирающуюся тамъ добрую компанію «потерпѣвшихъ кораблекрушеніе» — экипажей потопленныхъ нами пароходовъ.

Остатокъ дня проходитъ безъ особыхъ приключеній.

Въ палубѣ лодки, около письменнаго стола, сидитъ командиръ; передъ нимъ лежитъ недоконченный журналъ. Онъ пишетъ:

«...«*Быстрица*», 3688 тоннъ изъ Браилы, съ амуниціей,—въ Архангельскъ. Пароходъ потопленъ, команда взята на бортъ и передана на русскій парусникъ».

Только одинъ пароходъ за сутки; но зато—стоитъ онъ многихъ! Хорошее дѣло для нашихъ войскъ, дерущихся въ Семигорьѣ и Добруджѣ, съ противникомъ, военные припасы котораго мы послали на дно Ледовитаго океана!..

Глава X.

Нападеніе.

Могучими порывами реветъ въ океанѣ западный вѣтеръ, сила котораго временами доходитъ до 7 балловъ. Съ шумомъ несутся сердитыя волны, увѣнчанныя бѣлыми гребешками. Вѣтеръ подхватываетъ пѣнящіяся верхушки волнъ, уноситъ ихъ съ собой и распыляетъ въ воздухѣ.

Снесенная волнами и вѣтромъ барка «*Иванхое*» силится пробиться къ Бѣлому морю; главный парусъ и марселя ея спущены, снасти — точно натянутыя струны, а ванты, кажется, вотъ-вотъ должны лопнуть... Съ небольшимъ креномъ на правую, почти на фордевиндъ, несется «*Иванхое*», иногда ныряя такъ глубоко, что кливеръ ея зарывается въ воду. Громадныя волны вливаются черезъ ея лѣвый бортъ на палубу, а потомъ — широкими струями, черезъ шпигаты праваго борта,—возвращаются въ море. Всѣ люки задраены, на палубѣ все надежно прихвачено. Даже рулевой, и тотъ крѣпко привязалъ себя концомъ, чтобы не упасть за бортъ при розмахахъ качки.

Капитанъ съ гордостью смотритъ на паруса, потомъ на воду,— и жалѣетъ, что нѣтъ поблизости ни одного грузовика-парохода, которому онъ при такомъ вѣтрѣ смѣло могъ-бы составить компанію. Если такъ будетъ продолжаться, то, пожалуй, онъ придетъ къ мѣсту своего назначенія гораздо раньше, чѣмъ предполагалъ, несмотря на то, что, въ виду осенняго времени, плаваніе для парусниковъ въ этихъ водахъ является предпріятіемъ чрезвычайно опаснымъ.

Часъ спустя, штурманъ его замѣчаетъ, что вѣтеръ начинаетъ стихать; тотчасъ-же поднимаются всѣ остальные паруса, чтобы не терять времени и имѣть возможно-большій ходъ.

Бѣлые паруса «*Иванхое*» далеко видны, четко выдѣляясь на сѣромъ горизонтѣ. «U-195», находящаяся впереди его, давно уже его замѣтила, и спокойно подпускаетъ все ближе и ближе. Потомъ его судьба быстро рѣшается:

— Контрабанда... Парусникъ будетъ потопленъ...

Съ тяжелымъ сердцемъ, но безъ всякихъ возраженій, оставляютъ капитанъ и команда свой красивый корабль. Нашъ командиръ, понимая ихъ переживанія, даетъ имъ большой срокъ, чтобы они могли забрать съ собою все, что они хотятъ.

Черезъ полъ-часа они готовы оставить барку. «U-195» подходитъ вплотную, чтобы забрать ихъ къ себѣ на палубу, такъ какъ волненіе для шлюпокъ съ «*Иванхое*» еще слишкомъ велико. Люди должны сѣсть въ лодку, чтобы подойти ближе къ гавани. Судно находится приблизительно въ 40 миляхъ отъ Варде.

Одинъ за другимъ, лѣзутъ они черезъ бортъ и исчезаютъ внутри лодки. Послѣднимъ остается на своемъ кораблѣ капитанъ. Его прощальный взглядъ скользитъ

по бѣлымъ парусамъ и по чистой палубѣ корабля; видно, что разлука съ кораблемъ для него очень тяжела.

— Можетъ быть, у васъ на кораблѣ есть что-нибудь особенное, что бы вы пожелали взять съ собой?— спрашиваетъ его нашъ командиръ.—Если это будетъ возможно, то мы постараемся найти мѣсто.

Норвежецъ качаетъ головой: «Нѣтъ ничего». Но потомъ онъ вспоминаетъ, и проситъ разрѣшенія взять съ собой судовую собаку, которая въ это время стоитъ рядомъ съ нимъ у борта и со вниманіемъ наблюдаетъ за всѣмъ происходящимъ.

— Конечно, мы ее возьмемъ: она вѣдь уже привыкла къ морю!

Наша команда принимаетъ ее какъ нельзя лучше; она особенно быстро дружится съ нашимъ кокомъ.

Тѣмъ временемъ барка уничтожается, и подводная лодка идетъ къ Варде. Норвежцы спускаются внизъ, чтобы размѣстить свои пожитки; но это не легко сдѣлать, такъ какъ лишніе двадцать человѣкъ, при ограниченномъ мѣстѣ въ лодкѣ, сильно даютъ себя знать. Но, если есть доброе желаніе,— устроить все возможно.

Норвежцы производятъ на насъ очень хорошее впечатлѣніе: это все люди, отдавшіеся душою и тѣломъ своему ремеслу — полная противоположность тому «сброду», какой обыкновенно встрѣчается на англійскихъ пароходахъ *); въ спекуляціяхъ своихъ владѣльцевъ они, конечно, не виноваты. Если вначалѣ, при посадкѣ на подводную лодку, ихъ лица и выражали нѣкоторый страхъ, то вскорѣ,— когда они увидѣли, какъ ихъ принимаютъ,— настроеніе ихъ сразу поднялось. Ихъ щедро надѣлили пищей, а вмѣсто ожидаемаго ими черстваго хлѣба, они получили чай, булку

*) ?! (*Ред.*).

и масло; никто изъ нихъ и не думалъ вынимать свой собственный провіантъ, приготовленный въ ихъ вещахъ.

Сначала, конечно, намъ трудно было съ ними объясняться, и понимать другъ друга, но потомъ — бесѣда между матросами завязалась во-всю.

Появился норвежскій берегъ.

Совсѣмъ подъ берегомъ, въ разстояніи не болѣе двухъ миль отъ него, видны нѣсколько кораблей. Можно различить три высокихъ однотрубныхъ парохода и одинъ низко сидящій, съ нѣсколькими трубами, — миноносецъ. Они находятся въ нейтральной зонѣ и идутъ не боясь нападенія, такъ какъ въ этой зонѣ оно невозможно; очевидно, что это — норвежцы. Но если бы это былъ и непріятель, то онъ все равно не могъ бы оттуда напасть на насъ, такъ какъ сначала долженъ бы былъ покинуть нейтральную зону; а, — въ такомъ случаѣ, — лодка всегда успѣла-бы погрузиться; и потому — нашъ командиръ спокойно продолжаетъ идти тѣмъ-же курсомъ.

Нѣсколько человѣкъ изъ команды стоятъ на палубѣ вмѣстѣ съ норвежцами и смотрятъ по направленію приближающагося берега. Минутъ черезъ пять мы должны войти въ нейтральную зону.

Вдругъ—сразу на всѣхъ корабляхъ появляются яркія вспышки выстрѣловъ. Бѣлые дымки ихъ относятся въ сторону, а гранаты летятъ въ насъ и взрываются совсѣмъ недалеко отъ лодки...

— Непріятель!..

Неслыханное нарушеніе международнаго права! Коварное нападеніе!

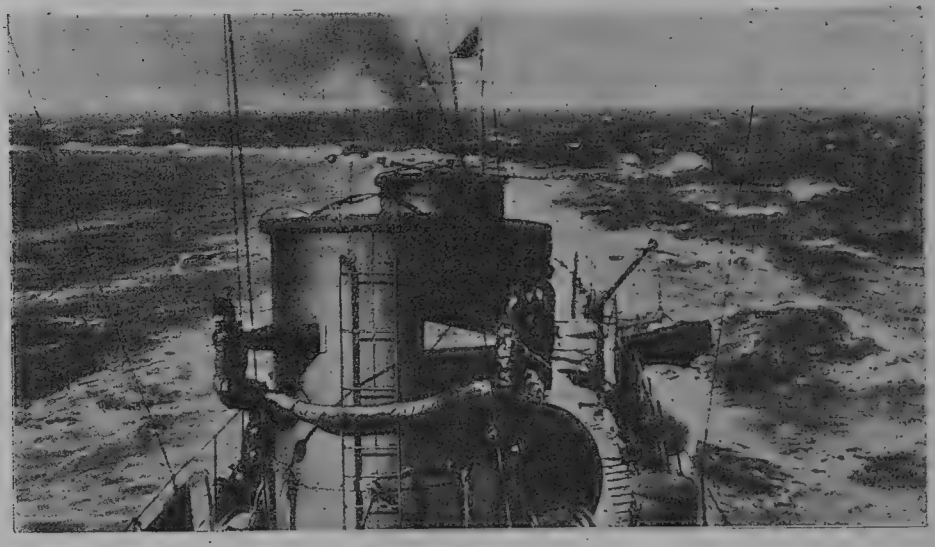
«U-195» была въ правѣ считать, что путь къ берегу свободенъ, такъ какъ она не могла ожидать опасности отъ кораблей, находящихся въ норвежскихъ водахъ...

— Немедленное погруженіе!

Командиръ съ удовольствіемъ-бы принялъ бой, но онъ имѣетъ норвежскихъ пассажировъ и не хочетъ подвергать ихъ жизнь опасности.

Наши приготовленія къ погруженію еще не были окончены, когда на пароходахъ снова показались вспышки выстрѣловъ.

Одна изъ гранатъ пронеслась надъ лодкой и снесла поднятую между мачтами сѣть безпроволочнаго телеграфа. Въ кормѣ раздался сильный трескъ и появился огонь; — второе попаданіе!



Преслѣдующій подводную лодку англійскій миноносецъ.

Носъ и корма уже подъ водою, моторы остановлены, электродвигатели пущены въ ходъ. Зеленая вода покрываетъ стекла рубки и вскорѣ перископъ исчезаетъ подъ водой. Трескъ разрывающихся на водѣ снарядовъ слышится еще нѣкоторое время, и слѣва и справа отъ лодки; впечатлѣніе такое, точно молотомъ бьютъ по борту лодки.

Потомъ наступаетъ полная тишина.

Съ лихорадочнымъ напряженіемъ слѣдитъ командиръ за указателемъ глубины; кажется, что стрѣлка его двигается страшно медленно...

Пять метровъ,—еще дальше,—десять метровъ,—глубже и глубже опускается лодка,—пятнадцать метровъ,—двадцать—вздохъ облегченія: мы въ безопасности! Теперь уже они могутъ стрѣлять, сколько хотятъ!

«U-195» уходитъ на NO.

Норвежцы, блѣдные какъ полотно, наблюдали за происшествіемъ послѣднихъ минутъ; имъ уже кажется чудомъ, что они еще живы!

Они вѣдь были увѣрены, что черезъ нѣсколько минутъ они должны были быть въ норвежской территоріи; и вдругъ—это низкое, предательское нападеніе въ ихъ собственныхъ водахъ! Они очень взволнованы, и тепло благодарятъ командира, который, заботясь о ихъ жизни, не принялъ боя. Они не скрываютъ своихъ симпатій и своего негодованія.

Черезъ два съ половиною часа командиръ пробуетъ осторожно осмотрѣться; перископъ выдвинутъ и въ него ничего подозрительнаго не видно. Тогда онъ даетъ приказаніе всплывать.

Помпы работаютъ полнымъ ходомъ, но лодка не поднимается. При осмотрѣ кормовыхъ систернъ выясняется, что въ нихъ есть поврежденіе—нельзя добиться удаленія воды; наружныя систерны, вѣроятно, пострадали при обстрѣлѣ.

Командиръ распоряжается спокойно и рѣшительно; онъ отдаетъ короткія приказанія, тотчасъ же приводимыя въ исполненіе:

— Выдвинуть перископъ!

Еще разъ обслѣдуется горизонтъ; не видно ни одного корабля.

— Продуть систерны!

Нѣсколько систернъ продуваются. Становится свѣтлѣе, рубка поднимается изъ воды, потомъ показываются крышки люковъ. Вода только слегка покрываетъ носъ и корму; «U-195» всплыла.

Рубочный люкъ открывается. Первымъ вылѣзаетъ командиръ, потомъ инженеръ-механикъ; они осматриваютъ корму, чтобы найти поврежденіе. Течь. Систерна пробита снарядомъ, но поврежденіе, очевидно, незначительное.

Отдаются приказанія, вызываются наверхъ нѣсколько человѣкъ команды, и — черезъ нѣкоторое время — все исправлено.

Наступаетъ ночь.

Послѣ всего происшедшаго, командиръ не можетъ и думать подходить на ночь къ берегу, гдѣ можно ожидать всего. Онъ остается въ морѣ и, чтобы избѣжать неожиданностей, приказываетъ возможно болѣе усилить бдительность вахтенныхъ.

Норвежцевъ устраиваютъ спать; тѣсновато, конечно, но всѣ стараются размѣститься, насколько это возможно.

Одинъ день и двѣ ночи проводятъ норвежцы на борту лодки, и только послѣ этого удается ихъ высадить на берегъ, въ Лосвикѣ. Прощаніе съ ними,— какъ и можно было ожидать—очень сердечное; хорошій пріемъ, прекрасная пища и, наконецъ,—совмѣстно пережитая опасность—сдѣлали этихъ норвежцевъ нашими друзьями.

А они—своей благодарностью стараются загладить случившееся съ нѣмецкой подводной лодкой въ норвежскихъ нейтральныхъ водахъ...

Глава XI.

Мастерской ударъ.

Съ ранняго утра падаютъ большіе снѣжные хлопья; временами кажется, что бѣлая пелена снѣга немного проясняется, но въ слѣдующую-же минуту,— снова начинаетъ идти густой снѣгъ, залѣпляющій глаза и бинокли такъ, что ничего не видно.

Настроеніе не очень веселое. Если въ предыдущіе дни добыча была хорошей, то теперь—нѣтъ ровно ничего; и нельзя надѣяться, что въ такую погоду кто нибудь можетъ встрѣтиться; а, съ другой стороны,—очень велика опасность быть протараненными.

Если погода не измѣнится, то скоро въ этихъ водахъ нечего будетъ дѣлать, и намъ придется возвращаться домой; тѣмъ болѣе, что топливо и другіе запасы— значительно ограничиваютъ время нашихъ операцій; надо еще подумать и о долгомъ обратномъ пути, во время котораго можетъ еще произойти много всякихъ неожиданностей.

Черезъ часъ снѣгъ прекращается; понемногу показывается голубая поверхность моря, и горизонтъ проясняется мили на четыре.

Почти въ одно и то-же время, всѣ смотрящіе впередъ увидѣли пароходъ, идущій на остъ. Онъ тяжело загруженъ и идетъ большимъ ходомъ, быстро приближаясь къ намъ; изъ его небольшой узкой трубы валитъ густой дымъ. Весь корпусъ его черный, безъ всякихъ внѣшнихъ отличій; флага нѣтъ. Особенно бросаются намъ въ глаза его высокія мачты для безпроволочнаго телеграфа, рѣзко отличающіеся отъ тѣхъ, какія обыкновенно имѣются на грузовыхъ пароходахъ. Это, вѣроятно,—вспомогательный крейсеръ

Громко звучатъ боевые колокола. Дѣлаются срочныя приготовленія къ погруженію.

Въ нѣсколько секундъ задраены всѣ люки, остановлены дизель-моторы и пущены электродвигатели. Вскорѣ лодка погружается настолько, что изъ воды виденъ только кончикъ ея перископа.

Пароходъ, тѣмъ временемъ, спокойно продолжаетъ свой путь. Но, ни одно изъ его движеній не ускользнетъ отъ нашихъ глазъ, слѣдящихъ за нимъ въ перископъ. На бакѣ и на кормѣ пушекъ не видно; ни на командномъ мостикѣ, ни на палубѣ—не замѣчается ничего, внушающаго опасеній.

— Продуть систерны!

Воздухъ, шипя, поступаетъ въ систерны, выгоняя воду. Изъ воды подымается рубка, потомъ носъ и корма.

Въ тотъ моментъ, когда пароходъ замѣчаетъ лодку, раздается нашъ предупредительный выстрѣлъ, и на пароходъ передается приказаніе остановиться.

Подводная лодка подходитъ къ пароходу.

Онъ тотчасъ же исполняетъ его. Свѣтлая полоска буруна у его носа становится меньше, изъ трубы показывается бѣлый паръ, ходъ замедляется и, наконецъ,—пароходъ останавливается.

«U-195» осторожно приближается къ нему.

Вдругъ, на рубку вбѣгаетъ телеграфистъ и докладываетъ командиру:

— Г-нъ капитанъ-лейтенантъ, пароходъ все время посылаетъ радіо и проситъ о помощи у непріятельскихъ силъ, очевидно,—находящихся гдѣ-нибудь поблизости.

— Ну, этому мы сейчасъ положимъ конецъ. Пошлите-ка ему въ носъ гранату!

Комендоръ номеръ первый, на всякій случай все время стоявшій у своей пушки и державшій пароходъ на прицѣлѣ, быстро исполняетъ приказаніе; раздается выстрѣлъ, и наша граната попадаетъ въ носовую часть парохода. На одно мгновеніе тамъ появляется красный огонекъ и изъ пробоины показывается дымъ.

Пароходъ сразу понимаетъ въ чемъ дѣло, и его телеграфированіе немедленно прекращается.

— Сейчасъ-же оставить корабль!

Не больше, какъ черезъ десять минутъ, съ парохода спускается первая шлюпка, а за ней—и другія. Капитанъ и первый штурманъ подходятъ на шлюпкѣ къ борту лодки и сообщаютъ, что ихъ пароходъ носитъ названіе «Сучанъ», принадлежитъ къ составу русскаго добровольнаго флота и имѣетъ грузъ около 7000 тоннъ, состоящій изъ предметовъ военнаго снаряженія.

Радостное изумленіе: вѣдь это нашъ старый землякъ—пароходъ «Спеція», Гамбургъ-Американской линіи, съ начала войны находившійся во Владивостокѣ,

гдѣ онъ и былъ забранъ русскимъ правительствомъ въ плѣнъ.

Судовыя бумаги показываютъ воочію, какую «U-195» захватила добычу. Выясняется, что пароходъ идетъ непосредственно изъ Америки и имѣетъ на борту:

100.000 шт. 75-м/м. шрапнели, 75.000 шт. разрывныхъ гранатъ, 150.000 шт. 37-м/м. патроновъ, 250.000 штукъ трубокъ для разрывныхъ гранатъ, 100.000 шт. дистанціонныхъ трубокъ, 150.000 кгр. тринитротолуола (взрывчатое вещество огромной стоимости), 175.000 кгр. крупнаго пороху, 40.000 кгр. чернаго пороху, 127 шт. 12″ снарядовъ, 150 цилиндровъ съ кислотой, 230.000 кусковъ свинца, 7 грузовыхъ автомобилей, 200 связокъ кожи, 500 бухтъ проволоки, 6.000 шт. желѣзнодорожныхъ рельсовъ.

Цѣнность этого груза превышаетъ 20 милліоновъ марокъ.

Первая мысль, конечно,— потопить все это. Но, въ слѣдующую минуту, командиръ, капитанъ-лейтенантъ Буссъ, задумывается надъ тѣмъ,— нельзя-ли привести этотъ драгоцѣнный грузъ домой?!...

Конечно, трудности выполненія задуманнаго плана безконечно велики, такъ какъ до ближайшей нѣмецкой

гавани больше, чѣмъ 1.500 миль, а сѣверная часть Атлантическаго океана и все Сѣверное море—кишмя кишатъ непріятельскими сторожевыми военными судами. Было-бы чудомъ, если-бы пароходъ удалось провести мимо нихъ. Но, попробовать надо. Въ крайнемъ случаѣ, вѣдь, призъ всегда можно потопить, хотя-бы на глазахъ у самого непріятеля!

Прежде всего, надо убѣдиться, что у «Сучана» хватаетъ угля, воды и прочихъ припасовъ для столь длиннаго путешествія; для этого вахтенный начальникъ и механикъ гребутъ къ пароходу и поднимаются на него.

Результатъ ихъ разслѣдованій не блестящъ: согласно ихъ подсчетамъ, угля хватаетъ едва-едва, да и то—если идти экономическимъ ходомъ; воды-же—совсѣмъ мало; конечно въ котлы можно напослѣдокъ напустить и соленой воды: такое обхожденіе въ продолженіе нѣсколькихъ дней, они выдержатъ!

Очень остро обстоитъ вопросъ относительно экипажа; во всякомъ случаѣ, машины и котлы парохода должны обслуживаться русской командой. Сама-же «U-195» можетъ отдѣлить отъ своего состава, въ качествѣ призовой команды,— одного офицера и семь матросовъ, которые должны будутъ держать въ рукахъ всю русскую команду. Хорошій выходъ—взять себѣ на бортъ всѣхъ русскихъ офицеровъ: безъ руководителей экипажъ едва-ли начнетъ бунтовать.

Черезъ нѣсколько часовъ, оба корабля пускаются въ длинный путь. Они ложатся сначала на вестъ, чтобы потомъ, обогнувъ Нордкапъ, взять курсъ на югъ.

Вѣтеръ средній; на морѣ—небольшіе барашки.

Но черезъ нѣсколько часовъ вѣтеръ крѣпчаетъ, превращается въ ураганъ, и Ледовитый океанъ начинаетъ не на шутку волноваться. Пароходъ сидитъ глубоко, но, не смотря на это, его качка доходитъ до сорока градусовъ. Если держаться противъ вѣтра, то угля, конечно, не хватитъ; и потому, не взирая на волну, мы продолжаемъ идти прямо по назначенію.

Кажется, что съ цѣпи спущены всѣ подземныя силы... Волны непрерывно перекатываются черезъ «Сучанъ» и ударяются о его трубу; его спасательныя шлюпки одна за другой разбиваются въ щепы и летятъ за бортъ.

Но самая большая опасность заключается въ томъ, что пароходъ все время принимаетъ воду, и можетъ затонуть: черезъ пробоину отъ второго выстрѣла непрерывно вливается вода. О томъ, что тамъ ея много, можно заключить по тому, что носъ парохода угрожающимъ образомъ опускается внизъ; если такъ будетъ продолжаться дальше, то винты его скоро будутъ вращаться въ воздухѣ...

Пробоину необходимо заткнуть; за неимѣніемъ другого матеріала, надо употребить, въ видѣ пробки, имѣемые на пароходѣ куски свинца, кожи и парусины.

Послѣ цѣлаго часа старательной работы, одинъ подходящій кусокъ, наконецъ, подогнанъ. Но закрѣпить его страшно трудно: море все время заливаетъ отверстіе, и только выбирая время, когда корабль лежитъ на другомъ боку, можно крѣпить пробку; сдѣлать это удается только черезъ три часа.

Несмотря на вѣтеръ и волну, «Сучанъ» продолжаетъ свой путь.

Погода всѣми силами старается воспротивиться доставкѣ въ Германію такого богатаго приза. Только за одну ночь урагана пароходъ былъ снесенъ на 65 миль въ сторону отъ курса.

Непогода требуетъ огромнаго количества угля; русскіе кочегары, которые давно уже поняли, въ чемъ дѣло, работаютъ только благодаря непрерывнымъ угрозамъ командира приза, лейтенанта Хассхагенъ.

Въ довершеніе всего, русская команда, воспользовавшись минутой, когда командиръ ушелъ на мостикъ, успѣла добраться до алкоголя. Только благодаря самымъ энергичнымъ мѣрамъ командира и его команды, увѣренныхъ въ томъ, что подводная лодка находится вблизи, катастрофа была устранена Алкоголь былъ выкинутъ за бортъ.

На высотѣ Скагеррака—свирѣпствуетъ штормъ отъ SW, и «Сучанъ» принужденъ цѣлыхъ два дня держаться на одномъ мѣстѣ. На немъ осталось какихъ нибудь 20 тоннъ угля; еще нѣсколько часовъ непогоды,— и надежда потеряна... Но, въ послѣднюю минуту, погода измѣняется и даетъ возможность продолжать путь.

Медленно, страшно медленно двигаемся мы,—но все-таки двигаемся!..

Съ полутонной угля въ ямахъ, входитъ «Сучанъ» въ нѣмецкую гавань и швартуется къ стѣнкѣ!..

Глава XII.

Русскіе пути подвоза.

Для подвоза столь нужныхъ ей военныхъ снаряженій, Россія могла бы располагать пятью различными путями.

Одинъ путь—идетъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ, и владѣніе имъ въ продолженіе цѣлыхъ сотенъ лѣтъ было завѣтнымъ желаніемъ русской дипломатіи;

Англія, во время всемірной войны, пробовала было открыть его, но это не удалось,—и проходъ остается закрытымъ. Затѣмъ, — державы согласія мечтали о снабженіи Россіи черезъ Салоники, но и это тоже не удалось. Еще короче былъ бы путь черезъ Балтійское море, но тамъ—господство нѣмецкаго флота; а дорогой черезъ Швецію воспользоваться было нельзя. Дорога черезъ Японію и Америку—открыта; но эта дорога имѣетъ свои неудобства: во-первыхъ — изъ за японской политики, которая эгоистически использываетъ положеніе Россіи, а во-вторыхъ—изъ за слабой провозоспособности сибирскаго пути.

Такимъ образомъ, исполинская имперія, вслѣдствіе плохихъ путей подвоза, оказаласъ отрѣзанной отъ своихъ союзниковъ. Вслѣдствіе же ограниченной производительности русскихъ заводовъ, опасность, происходящая отъ этого, съ затяжкой войны становилась все болѣе и болѣе угрожающей. Поэтому Россіи во что-бы то ни стало надо было открыть новый путь для всякихъ подвозовъ. Но выборъ былъ невеликъ: оставалась лишь одна дорога,—вокругъ Нордкапа,—въ Архангельскъ и Александровскъ на мурманскомъ побережьи.

И вотъ, во время войны, съ необычайной энергіей, черезъ тундры и болота, начала строится узкоколейная желѣзная дорога—отъ Вологды до Архангельска. За недостаткомъ русскихъ инженеровъ, въ Россіи появились англійскіе и французскіе техники; начали сооружать новыя гавани, пристани, углублять фарватеры и т. д. и, въ результатѣ, —за одинъ годъ было сдѣлано то, что, при нормальныхъ условіяхъ, заняло бы, по крайней мѣрѣ,—вдвое большее время.

Вскорѣ открылось сообщеніе. Вокругъ Нордкапа, по малоизвѣстному пути вдоль мурманскаго побе-

режья — въ Бѣлое море, и до Архангельска,— начали ходить пароходы со снаряженіемъ. Но, не смотря на то, что ни одного дня не обходилось безъ несчастья— то какой-нибудь пароходъ наскочитъ на камень, то столкнутся два парохода — на это не обращалось никакого вниманія.

Мало по малу подвозъ организовался, и въ страну стали притекать въ огромномъ количествѣ необходимые предметы вооруженія и снабженія, пока сама природа не пріостановила навигацію: появился ледъ, и въ продолженіе пяти мѣсяцевъ по Бѣлому морю нельзя было плавать. Мощные ледоколы, пришедшіе изъ Норвегіи и Канады, не могли удержать открытымъ входъ съ моря, такъ какъ ледъ становился все крѣпче и крѣпче. Около ста пароходовъ замерзло во льду; винты и корпуса ихъ были настолько повреждены, что для нихъ потребовались долгіе мѣсяцы ремонта.

Такимъ образомъ, на Архангельскъ нельзя было больше разсчитывать. Тогда общее вниманіе обратилось въ сторону мурманскаго побережья, съ единственною гаванью Александровскомъ, существующею уже двадцать лѣтъ, но,—кромѣ того, что эта гавань была неудобна по ея малой глубинѣ, теченіямъ, и тому подобнымъ обстоятельствамъ,—недоставало еще и путей для сообщенія ея со страною: нашли кровь, но надо было еще найти и жилы для проводки ея къ сердцу исполинскаго туловища — недоставало желѣзной дороги.

Уже много лѣтъ были готовы различные планы ея постройки, но дальше этихъ плановъ работа не шла; и въ результатѣ — русская халатность была наказана.

Дорога была готова до Петрозаводска; но далѣе она существовала лишь на бумагѣ; ассигнованные же

на постройку дороги и уже уплоченные милліоны, и еще разъ милліоны — разошлись по карманамъ строителей и подрядчиковъ.

Для Россіи же все зависѣло отъ этой дороги; поэтому — надо было ее строить во что бы то ни стало; и вотъ — со всѣхъ сторонъ государства начали собирать рабочихъ; ангажировали даже китайцевъ. Строить надо было на протяженіи 1500 километровъ и при такихъ чрезвычайныхъ трудностяхъ, которыя невозможно себѣ представить. Дорогу надо было проводить по дикой и совершенно необитаемой мѣстности, черезъ многочисленныя рѣки, озера и болота, которыя тянулись на сотни верстъ, и наконецъ,— на полуостровѣ Кола — черезъ новыя препятствія, въ видѣ горъ и моря; все это надо было преодолѣть.

И это, конечно, не удалось, такъ какъ для выполненія этой Сизифовой работы требовалось, по крайней мѣрѣ,— десятилѣтіе.

Для поддержки своего кредита и для успокоенія союзниковъ, русское правительство все время настаивало на томъ, что дорога готова, но, въ дѣйствительности,— дѣло обстояло иначе. Уже вполнѣ готовые длинные участки пути были размыты весеннимъ таяніемъ снѣговъ и приведены въ негодность. Правительство принуждено было помогать дорогѣ автомобильнымъ сообщеніемъ; но дороги были невозможны, и несчастные случаи повторялись очень часто. Тогда русское правительство рѣшило оставить Александровскъ, съ тѣмъ, чтобы противъ него заложить новую гавань, подъ названіемъ Романовской. Но, пока что, надо было пользоваться Александровскомъ, и автомобили должны были бороться съ болотами и снѣгомъ...

На порогѣ была зима. Четыре дороги были или

совсѣмъ закрыты, или — неудобны для эксплоатаціи; оставалась лишь одна — послѣдняя.

Съ нечеловѣческими усиліями поддерживалась она открытой, но если и ее закроютъ...

. . . . . .

. . . . . .

Почти рядомъ, только въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ другъ отъ друга, лежатъ русскія и нѣмецкія траншеи.

Вотъ съ русской стороны раздается выстрѣлъ, второй, третій, десятый,— сто,— тысяча... Отдѣльные выстрѣлы сливаются въ сплошной гулъ и ревъ. Черныя тучи земли отъ разрывовъ снарядовъ вздымаются къ небу, точно изверженія вулкановъ...

Русскіе, очевидно, имѣютъ нескончаемые запасы боевого вооруженія. Воздухъ содрогается отъ грохота; день за днемъ сыпятся снаряды въ нѣмецкія траншеи и приносятъ съ собою смерть...

Это американскіе запасы, которые сотнями пароходовъ подвозятся черезъ Александровскъ...

Но, вотъ, русскій огонь становится все слабѣе и слабѣе, сплошной гулъ канонады разбивается на отдѣльные выстрѣлы, да и тѣ... вскорѣ совсѣмъ замолкаютъ: 14-я эскадра подводныхъ лодокъ, пройдя тысячи миль черезъ штормы и льды, приходитъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ, на фарватеръ, по которому идетъ послѣдняя дорога къ русскому фронту...

. . . . . .

. . . . . .

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

встрѣчающихся въ книгѣ морскихъ названій и выраженій.

Адмиралтейство—высшее управленіе морской частью въ государствѣ.

Антенна—воздушная сѣть проводовъ радіотелеграфной станціи („*антенны*“ (лат.)—щупальца насѣкомыхъ).

Ахтерштевень—массивный вертикальный брусъ, служащій основаніемъ кормовой части корабля.

Баканъ—гидрографическій знакъ, указывающій фарватеръ или обозначающій мель, подводную скалу, и т. п.

Бакъ—носовая часть верхней палубы корабля.

Бакштагъ—толстая снасть, крѣпящая мачту съ обоихъ бортовъ корабля.

Баллы—единица мѣры силы вѣтра; 0 балловъ—полное безвѣтріе, 12 балловъ—сильнѣйшій ураганъ.

Баркъ—небольшое парусное судно, съ прямыми мачтами, безъ реевъ.

Батопортъ—плавучее сооруженіе, которымъ закрывается доступъ воды въ шлюзъ, или въ береговой докъ.

Брандвахта, или **брандвахтенный корабль**—военное сторожевое судно, наблюдающее за входомъ въ портъ.

„**Бросить конецъ**“—на морскомъ жаргонѣ обозначаетъ: бросить съ корабля на берегъ или на другой корабль конецъ веревки (съ тѣмъ, чтобы этотъ конецъ тамъ привязали, или чтобы помощью него передали какой либо предметъ).

Бурунъ—бѣлая пѣна, образующая у носа корабля во время его хода.

Ванты—снасти, идущія съ вершины нижней мачты къ бортамъ; на нихъ обыкновенно дѣлаются веревочныя ступенки для лазанія на мачту.

Ватерлинія—линія наружнаго борта, проходящая у самой воды.

Вахта—промежутокъ времени, по истеченіи котораго происходитъ смѣна людей, состоящихъ на вахтѣ.

Вахтенный—матросъ, назначаемый наблюдать за порядкомъ на верхней палубѣ корабля.

Вахтенный начальникъ—офицеръ, стоящій на вахтѣ и наблюдающій за правильнымъ исполненіемъ службы на всемъ кораблѣ.

Вентиль—клапанъ на трубѣ, служащій для регулировки теченія жидкости или газа.

Водоизмѣщеніе—подводный объемъ судна, выраженный въ вѣсѣ вытѣсняемой имъ воды. О размѣрахъ судна судятъ по его водоизмѣщенію. Водоизмѣщеніе выражается въ тоннахъ (тонна=61 пуду).

Глубомѣръ—приборъ, служащій для опредѣленія глубины, на которой находится подводная лодка. Дѣйствіе его основано на измѣненіи давленія наружнаго столба воды.

„Грузовикъ“—морское жаргонное выраженіе; = грузовой торговый пароходъ.

Гудокъ—сигналъ, обозначающій на подводной лодкѣ „тревогу“, для срочнаго погруженія лодки.

Дизель—сокращенное названіе дизель-мотора—машины, построенной на принципѣ двигателя внутренняго сгоранія (инженеромъ Дизелемъ).

Дивизіонъ—подраздѣленіе отряда военныхъ судовъ.

„Задраить“=задѣлать наглухо; выраженіе относится къ водонепроницаемымъ дверямъ, люкамъ, иллюминаторамъ (см. ниже) и пр. отверстіямъ на кораблѣ, имѣющимъ крышки, снабженныя особыми ручками, или „задрайками“, помощью

которыхъ они могутъ быть плотно закрыты, съ цѣлью достиженія полной водонепроницаемости.

„Застопорить“=остановить; поставить на „стопъ“.

Знакъ (лоцманскій)—сооруженіе на берегу моря, или на прибрежныхъ камняхъ, служащее для обозначенія этого мѣста на картѣ.

Зюдвестка—морская шляпа, одѣваемая въ свѣжую дождливую погоду.

Зюдъ—югъ; обозначается буквою „S“.

Зюдъ-остъ—юго-востокъ; обозначеніе: „SO“.

Иллюминаторъ—круглое окно въ борту или въ палубѣ корабля.

Камбузъ—кухня на кораблѣ.

Каперство—военныя дѣйствія противъ непріятельскихъ торговыхъ судовъ; морской разбой.

Кингстонъ—приборъ, служащій клапаномъ для впуска воды внутрь корабля.

Кливеръ—названіе носового трехугольнаго паруса.

Кокъ—поваръ на кораблѣ.

„Кренъ на правую“=судно имѣетъ кренъ на правый бортъ.

Курсъ—направленіе (по компасу), по которому идетъ корабль.

Лееръ—горизонтально протянутая веревка, служащая для подвязыванія къ ней бѣлья для просушки, или—служащая для удобства хожденія по палубѣ во время качки.

Леи—румынская монета.

„Лечь на курсъ“ — морское выраженіе; „корабль легъ на такой-то курсъ“—обозначаетъ, что корабль пошелъ по данному курсу.

Ллойдъ—англійское морское торговое общество, основанное въ 1833 г.

Лоція—наука, занимающаяся изученіемъ береговъ, фарватеровъ, свойствъ морей и условій плаванія по нимъ.

Лоцманскій знакъ—см. „знакъ“.

Люкъ—отверстіе въ палубѣ корабля, служащее для входа внутрь корабля. Обычно имѣетъ крышку, которая можетъ плотно его закрывать (задраивать) помощью особыхъ болтовъ.

„Лѣво (право) руля“—1) положеніе руля, при которомъ носъ судна на переднемъ ходу поворачивается влѣво (вправо); 2) приказаніе, отдаваемое рулевому для того, чтобы онъ повернулъ руль въ положеніе, указанное въ п. 1.

„Лѣво двадцать“—положеніе руля, при которомъ онъ повернутъ на уголъ 20° къ линіи, проходящей по длинѣ корабля, отъ кормы къ носу.

„Лѣво на бортъ“—положеніе руля, когда онъ повернутъ влѣво на полный уголъ.

Марселя—названіе парусовъ.

Мигалка—береговой или плавучій лоцманскій знакъ, снабженный автоматически мигающимъ фонаремъ.

Молъ—искусственная дамба, выступающая въ море, для огражденія гавани отъ морскихъ волнъ.

„Мористый“—расположенный далеко въ морѣ; удаленный отъ берега.

„Лечь мористѣе“ (относится къ кораблю)=повернуть дальше отъ берега.

Нейтральная зона—водное пространство, идущее вдоль береговъ нейтральнаго государства.

Нордъ—сѣверъ; обозначается буквою „N“.

Нордъ-вестъ (—**остъ**)—сѣверо-западъ (—востокъ); обозначеніе: „NW“ и „NO“.

Ночной бинокль — бинокль со слабымъ увеличеніемъ, но большой свѣтосилы и съ большимъ полемъ зрѣнія, служащій для наблюденія въ сумерки и ночью.

„Отдать концы“ — приказаніе, обозначающее: отвязать веревки, которыми судно было привязано.

„Парусникъ“=парусное судно.

Перископъ—приборъ, служащій для наблюденія съ подводной лодки за всѣмъ происходящимъ надъ водой,

когда лодка идетъ въ подводнамъ положеніи; состоитъ изъ массивной вертикальной трубы съ системой линзъ и отражательныхъ зеркалъ (или призмъ).

Переговорная труба—металлическая трубка, идущая изъ одной части корабля въ другую и служащая для голосовой передачи.

Подвѣтренная сторона (корабля)—сторона корабля, закрытая отъ вѣтра.

Подрывная партія—партія на кораблѣ, имѣющая снабженіе особыми патронами и другими средствами для взрыванія или потопленія корабля.

Позывные—условный флажный сигналъ, или сигнальное сочетаніе по азбукѣ Морзе, указывающіе названіе даннаго корабля.

„Показать позывные“—сдѣлать условный сигналъ, соотвѣтствующій названію даннаго корабля.

Полупортики—отверстія въ надводной части борта корабля, закрываемыя особыми дверцами, и служащіе для пріемки грузовъ или выхода команды во время стоянки корабля въ гавани.

Полуютъ—возвышенная часть кормы корабля.

„Приводить“ (корабль) = поворачивать корабль ближе къ курсу, къ вѣтру (для парусняго корабля).

„Привести къ вѣтру“ = повернуть носомъ въ сторону вѣтра.

„Продуть систерны“ (на подводной лодкѣ)—давленіемъ воздуха выгнать изъ систернъ воду.

„Прямо по-носу“ = по направленію прямо впереди носа корабля, если смотрѣть съ его палубы, говорится о какомъ либо предметѣ. Аналогичное выраженіе—**„прямо по кормѣ“**.

„Протаранить“—ударить носомъ въ бортъ корабля.

Регистръ Ллойда—списокъ судовъ всего міра, издаваемый англійскимъ морскимъ торговымъ обществомъ (англійскимъ Ллойдомъ).

Ростры—настилка въ средней части корабля, около трубы и мостика, служащая для храненія шлюпокъ и дерева.

Рубка—каюта на верхней палубѣ корабля.

Рупоръ—разговорная труба, служащая для усиленія звука и употребляемая при переговорахъ на дальнемъ растояніи.

Рыскать (о кораблѣ) = бросаться на волнѣ изъ стороны въ сторону.

Семафоръ—одинъ изъ видовъ сигнализаціи — сигнализація ручными флажками.

Систерна—склепаный изъ желѣзныхъ листовъ ящикъ или бакъ, служащій для храненія масла, воды нефти, и т. п.

„Свѣжая погода“—морское выраженіе; бурная погода.

„Свѣжѣетъ“—поднимается вѣтеръ, море становится бурнымъ.

Спардекъ—надстройка на верхней палубѣ корабля, въ средней его части (около трубы), въ которой обыкновенно помѣщаются каюты и кухня.

Тонна—единица вѣса, равная 61 пуду.

Тоннажъ—водоизмѣщеніе корабля, т. е. подводный его объемъ, выраженный въ вѣсѣ вытѣсняемой имъ воды.

Туманный сигналъ—условный сигналъ, дѣлаемый кораблями и маяками во время тумана.

Узелъ—мѣра скорости, выраженная во времени. Ходъ корабля всегда выражается въ узлахъ. Одинъ узелъ—такая скорость, при которой корабль проходитъ въ часъ одну морскую милю.

Фарватеръ—узкій и длинный проходъ между островами и мелями, по которому можетъ безопасно совершаться плаваніе. Края фарватера обыкновенно обозначаются особыми вѣхами или буйками.

Фіорды—глубокіе, узкіе и извилистые заливы, расположенные по побережью.

Форштевень—масивный вертикальный брусъ, служащій основаніемъ для образованія носовой части корабля.

Фрахтъ—плата за провозъ груза на кораблѣ.

Фордевиндъ—„судно идетъ на фордевиндъ“=идетъ по вѣтру.

Швартовиться—причаливать къ стѣнкѣ или пристани.

Шпигаты—отверстія въ борту корабля, служащіе для стока воды съ палубы.

Штаговый огонь—огонь, который зажигается въ фонарѣ, прикрѣпляемой къ веревкѣ, идущей съ носа корабля къ срединѣ его передней мачты.

„Штилѣетъ“—волненіе успокаивается.

„Штормовать“—бороться со штормомъ; совершать плаваніе въ штормъ.

Штурманъ—лицо, наблюдающее за правильнымъ направленіемъ пути корабля и опредѣляющее его мѣсто въ морѣ.

Электромоторъ—электрическій двигатель. На подводной лодкѣ—служитъ для движенія лодки подъ водой.

Экипажъ—личный составъ корабля.

Эскадра—отрядъ военныхъ судовъ.

Ютъ—кормовая часть верхней палубы корабля.

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ КНИГА:

ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ ПО ПОДВОДНОМУ ПЛАВАНІЮ

за семь мѣсяцевъ войны

(съ 1 мая 1915 г. по 1 января 1916 г.)

Извлеченія изъ «Обзора иностранной печати», издаваемаго Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ и морской хроники «Морского Сборника».

Составилъ морякъ военнаго флота **Подерни.**

Цѣна 3 рубля.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

I-й выпускъ иллюстрированнаго морского журнала

„ПОДВОДНЫЙ СБОРНИКЪ“,

посвященный гибели подводной лодки «Барсъ».

Журналъ высылается наложеннымъ платежомъ по первому требованію.

Цѣна 4 рубля.

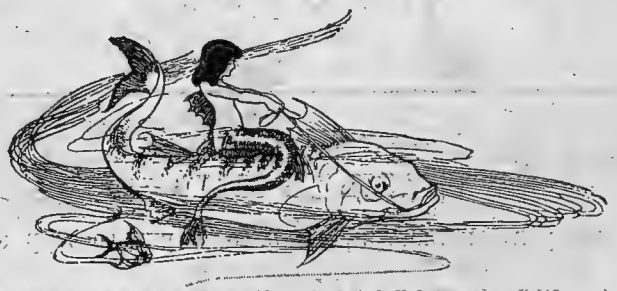
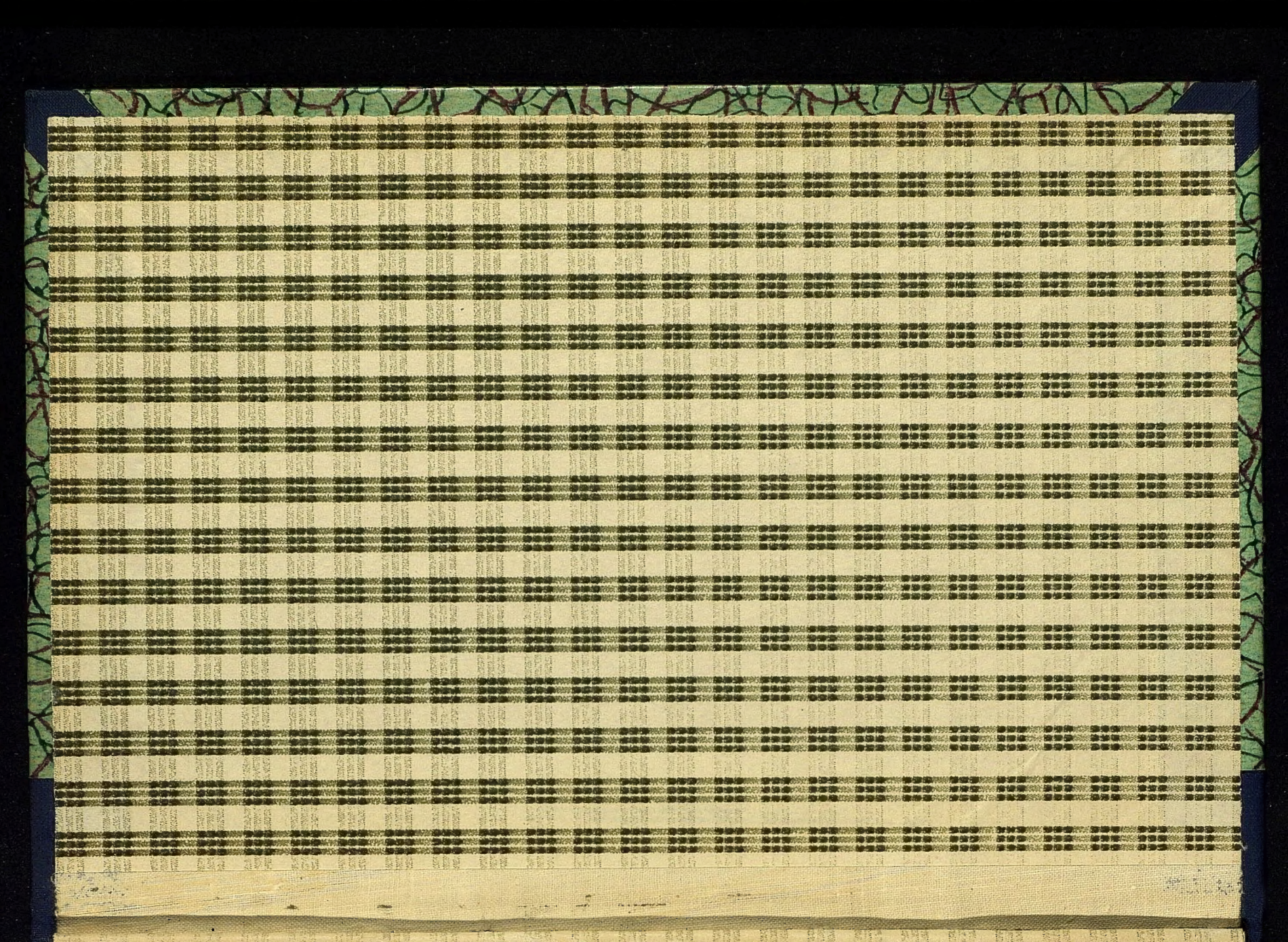
Весь доходъ отъ продажи поступитъ въ пользу семей моряковъ, погибшихъ на «БАРСѢ».

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ—въ книжномъ складѣ Морского Вѣдомства.

ПЕТРОГРАДЪ, Главное Адмиралтейство, Дворцовый проѣздъ.

тел. 683-26.

Цѣна 3 руб. 50 коп.



СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ складѣ Морского Вѣдомства.
Петроградъ, Главное Адмиралтейство, Дворц. проѣздъ.